

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

ЧЕРНЫЙ БЕРКУТ

Михаил Нестеров
Черный беркут
Серия «Черный беркут», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127329
Михаил Нестеров. Черный беркут: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-00584-6*

Аннотация

Полковник спецназа Орешин отдает себя в руки таджикских боевиков в обмен на жену и сына. Но спецназовцы своих не бросают... Десять бойцов из отряда Орешина спешат на выручку командиру. Горные тропы, засады, ловушки – все это ерунда по сравнению с тем, что начинается после освобождения Орешина...

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
1	6
Глава вторая	11
2	11
3	23
4	30
5	40
Глава третья	58
6	58
Глава четвертая	73
7	73
Глава пятая	89
8	89
9	96
10	101
11	107
12	116
Глава шестая	118
13	118
14	121
15	130
Глава седьмая	134

16

134

17

137

18

140

Конец ознакомительного фрагмента.

143

Михаил Нестеров

Черный беркут

*«Великие дела надо совершать не раздумывая,
чтобы мысль об опасности не ослабляла отвагу и
быстроту».*

Юлий Цезарь

Все события и персонажи – плод авторского воображения. Высказанные в книге взгляды не следует рассматривать как враждебное отношение автора к религии, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные и общественные.

Часть первая

Глава первая

1

Горно-Алтайская область, сентябрь 1998 г.

Два больших кудлатых пса хрипло надрывались во дворе егерского дома. Было раннее утро, в окнах еще горел свет.

Вскоре хозяин вышел на крыльцо и прикрикнул на собак. Егерю было за пятьдесят, коренастый, с окладистой бородой, пожелтевшей от курева вокруг рта.

– Заходите, – он махнул рукой двум незнакомым гостям. – Да не бойтесь, – уже с улыбкой произнес егерь, видя их замешательство. На всякий случай он прошел к калитке и сам распахнул ее.

– Не тронут, – хозяин показал собакам крепкий волосатый кулак. У крыльца он обогнал гостей, открывая дверь в избу.

Незнакомцы войти в дом отказались. Тот, что постарше, лет тридцати, назвал егеря по имени-отчеству:

– Алексей Данилович, мы к вам по рекомендации Ковригина. Знаете такого?

– Как не знать... – Ковригин был участковым милиционе-

ром. Частенько заглядывал в заказник. – Значит, по его рекомендации?

– Да. Не проводите нас на зимовье?

– На зимовье? – Хозяин почесал неприкрытую голову. – Зимовий-то много. – Он снова задумался. – Отчего не проводить. Только вот охота еще не разрешена. Не к сроку вы.

– Да мы не охотники, – улыбнулся второй, лет на пять младше своего спутника. – Просто посидим, на природу полюбуемся. Места у вас красивые.

– Так вы нездешние? – Егерь спросил просто так, потому что выговор гостей был неместным.

– Приезжие, – ответил старший. – Мы вам, Алексей Данилович, денег заплатим.

Хозяин нахмурился:

– А вот этого как раз не надо. Не принято у нас денег брать за услугу.

Гость извинился и полез в сумку. Достал бутылку водки.

– От этого, надеюсь, не откажетесь.

Егерь замахал руками:

– Ну что вы за люди, ей-богу! Чувствую, нужно поторопиться, а то вы еще что-нибудь предложите. В дом не зайдите?

Гости отказались. Пока хозяин собирался, они осматривали двор, но с крыльца не уходили: кудлатые псы, высунув языки, сидели неподалеку, между домом и лабазом, вдоль которого на медных крючках вялилась рыба.

– На лодке пойдем, – появился в дверях хозяин, первым направившийся к калитке.

Они спустились к реке. Егерь отомкнул замок на высоком металлическом ящике, освободил от цепи дюралевые весла и передал их молодому.

Тот протянул сумку товарищу и принял весла одной рукой.

Видно, левая рука у парня болит, отметил егерь.

Открыв ящик, хозяин заказчика без особых усилий вынул подвесной мотор и потащил его к лодке, старой, давно не крашенной «казанке» с булями. Гости последовали за ним.

– У нас вроде не безобразничают, – пояснил егерь, ставя мотор на место, – но на всякий случай мотор на ночь снимаю. Клади весла-то, – велел он парню. – Из ящика принеси бензобак. Дверку прикрой, камушком привали, – крикнул он вслед.

Когда тот вернулся, егерь спросил:

– Потянул руку-то? Вижу, висит.

– Ага, вывихнул, – подтвердил парень.

Хозяин заказчика оглядел его крепкую фигуру, коротко стриженные волосы, маленький, крепко сжатый рот, сплошь в белесых шрамах и потому казавшийся обескровленным.

Егерь втащил бак в лодку, пальцами зажал конец шланга и подкачал бензин «грушей». Потом закрепил шланг на штуцере карбюратора. Нажал на иглу поплавка и снова подкачал

горючее. Затем ухватился рукой за рукоятку стартера и дернул. Двигатель тут же завелся.

Самодовольно оглядев гостей, егерь дал команду занимать места.

Старший оттолкнул лодку от берега и прыгнул следом.

«Ловко, – сощурился егерь, одобрительно качая головой. – Сильный парень».

– На зимовье, говорите, отвезти? – еще раз переспросил он. – Это можно. Места у нас действительно красивые.

Он развернул «казанку» против течения и повернул рукоятку румпеля, давая газ. Нос лодки приподнялся, но, набирая обороты, катер вскоре выровнялся.

Старший сидел впереди. Позади тот, что помоложе.

«Казанка» стремительно неслась по реке. Легкий боковой ветерок сносил брызги на пассажиров. Те не обращали на это внимания.

Егерь вывел лодку со стремнины и направил ее ближе к берегу.

И слева, и справа земля утопала в зелени. Вековые ели, как по ступеням, уходили вверх по крутым берегам.

Парень неожиданно обернулся на егеря и попросил его сбавить обороты. Когда лодка уменьшила ход, он зачерпнул пригоршней воды, намочив рукав рубашки, и выпил.

– Амброзия, – улыбнулся он. – Правда вкусная вода. Давай, отец, поехали.

«Странные люди», – подумал хозяин, прибавляя газу. Он

приметил, что улыбка у парня была не очень-то радостной.

Глава вторая

2

Таджикистан, район Нижнего Пянджа, июль 1998 г.

В третьем или четвертом по счету селе женщина и мальчик сумели наконец отдохнуть в нормальных условиях. Обычно под ночлег им отводили небольшие глинобитные помещения рядом с отхожими местами и кормили похлебкой из раздробленных зерен пшеницы и кукурузы, которую таджики называют кашаком. Сегодня к вечеру их угостили настоящими лепешками, дали немного сушеных шариков из соленого творога и поместили в мехманхану, комнату для гостей, заполненную людьми. Им отвели угол, бросив к ногам кучу старого тряпья, пропахшего овечьей шерстью.

Анна буквально валилась с ног и не обращала внимания на прикованные к ней и маленькому сыну любопытные взгляды. Она расстелила тряпье в углу и легла спиной к людям, прикрыв собой отощавшего за несколько дней изнурительного перехода Володьку. Он уже не плакал, как первое время, только тяжело сопел носом и сурово сдвигал к переносице брови, чем напоминал Анне мужа. Сейчас сын, обняв мать, почти мгновенно уснул.

Женщина спиной почувствовала, что вскоре люди пере-

стали обращать на них внимание, и снова повернулись к почетному гостю.

Анна засыпала. Сквозь сон слышала обрывки речи. Вот кто-то довольно громко произнес: «Договорились!» Его поддерживали гортанные одобрительные возгласы. Женщина, неплохо знавшая один из иранских языков, поняла, что в комнате для гостей находятся люди казилкана – судьи шарията.

Безари Расмон и еще несколько человек, сопровождавшие пленников – русскую женщину с сыном, оказались почетными гостями в этом богатом доме. Расмон в России считался бы пожилым человеком, но не здесь, почти в центре Востока, – ему едва перевалило за шестьдесят. Военная форма была к лицу этому крепкому мужчине, густая борода делала его облик почти устрашающим. В основном сегодня вечером говорил он. Изредка воин делал паузы, и тогда слышались такие же возгласы, неприятные для уха женщины, казавшиеся ей не одобрением, а ропотом.

– Прекрасная мысль. Да примет ее Господь!

– Да сохранит Аллах все наши тайны.

– Только трусливые просят Аллаха сохранить тайну! У нас нет тайн от Господа.

– Правильно, говори, таксир¹!

Несмотря на духоту, Анне было прохладно в углу жилища. Появилось обычное желание накрыться... одеялом. В

¹ Таксир (таджик.) – уважаемый.

своей квартире, даже когда было довольно тепло или жарко, Анна всегда укрывалась одеялом, это вошло в привычку, и она не могла отделаться от нее. Она завозилась на своем месте, крепче прижимая сына к груди.

Кто-то заметил ее жест и велел принести банарас. Чьи-то руки, кажется, пожилой женщины, накрыли гостью полосатой шелковой тканью, предназначавшейся для шитья верхних халатов.

Гостье даже не пришла в голову мысль сказать спасибо благодетельнице. Она быстро согрелась и снова стала погружаться в сон.

– А если казилкан не пожелает сделать этого? – спросил кто-то.

– А захочет ли он ссориться с нами? – раздался твердый голос полевого командира Безари Расмона. – Я ответил тебе только потому, что в тебе сейчас говорит не разум, а гашиш. Если бы твои мозги не были напрочь прокурены, ты бы не забывал своего брата, которого застрелил враг наш – Черный Назир². А твоего брата, Кадыр? А твоего?.. Мы уже давно вынесли ему смертный приговор...

Когда в комнату вошел казий, стало чуть потише. Говорил Безари Расмон, ему вторили друзья по оружию; несколько слов, встреченных с явным одобрением, произнес и Кадыр. Все ждали слова казия.

² Назирами называли народных комиссаров Бухарской Народной Республики (1920 – 1924).

Кори-Исмаат, не вставая с места и не глядя в десятки глаз, устремленных на него, коротко спросил у Расмона:

– Безари, зачем ты позвал меня? Разве не было у нас предварительного разговора? Я же говорил, что всегда поддержу тебя. Где тот человек, которого ты хотел вывести на суд шариата? Где он, принесший слезы и горе в наши дома? Сколько бы я ни смотрел вокруг, я не вижу его, да простит мне Аллах слова мои.

– Ты прав, Кори, я тоже его здесь не вижу. А вот если вглядеться внимательнее, можно заметить вон в том углу жену и сына Черного Назира, – вкрадчиво проговорил Расмон.

Судья нехотя повернул голову в сторону спящих.

– Я хочу напомнить тебе несколько строк из одной умной книги, Безари, – заметил казий. – Я буду называть человека, о котором идет там речь, именем Назир. Итак:

«Кто это?» – спросил один любопытный.

«Да разве ты не видишь?!» – возмутился Вечно Возмущающийся и указал на связанного человека.

«А он кто – родственник, батрак Назира или его знакомый?»

«Да, да, да, он его родственник!»

«Назир богат?»

«Вовсе нет».

«Тогда посмотри в сад и, может, ты увидишь, что в степи, как раз напротив сада, находится сейчас Назир. Он солдат, служит в эмирском войске, он не допустит, чтобы похищали

его родственников или даже батраков».

Судья замолчал, перебирая в руках четки.

— А ты, Безари, не выглядывал в свой сад? — спросил он полевого командира. — Нет ли там сейчас Черного Назира в военной форме?.. — Кори резко сменил тон. — Мне не нравится, когда я вижу в комнате пленников. Если ты, Безари, сможешь избавиться от них в короткий срок — хорошо. Если я увижу перед собой Назира, еще лучше, я попрошу Аллаха, чтобы он прикрыл мои глаза завесой, чтобы впредь я не смог различить через нее пленников. Они, как ты знаешь, называются заложниками. Впредь я не буду спрашивать тебя о твоих методах борьбы, но запомни: меня не интересует, как заносит палач саблю над головой жертвы. Мне нужна только жертва, я укажу на нее и скажу: «Заслуживает кары!»

Казий встал и еще раз посмотрел на Анну Орешину, чьего мужа в этих краях окрестили Черным Назиром. Судья шарриата не считал Игоря Орешина настоящим преступником — ему отдавали приказы, он их выполнял; ему предписывалось уничтожить группу людей, именующих себя либо повстанцами, либо непримиримыми, которые были поперек горла правительству, и он это делал. Он был солдатом, тем не менее именно на его руках кровь нескольких десятков сильных мужчин-воинов. У тех, кто его послал, руки не в крови, кровь у них капает со лба, глаза смотрят через кровавую пелену... И все же Орешин виновен. И если бы сейчас Кори-Исмат видел перед собой не жену и сына Орешина, а его

самого, он, не колеблясь, приговорил бы его самым справедливым судом на свете к смерти. Не колеблясь. А до этого подержал бы две недели в отхожем месте, чтобы пропах солдат дерьмом родственников тех, кого уже больше года оплакивают родные.

Да, существуют различные способы борьбы, вплоть до захвата заложников, однако этого метода казий не принимал. Сейчас идет война, если ты попал в плен, заплатишься за все сполна. Если убит в бою, на то и есть Аллах, справедливый и могущественный.

Взгляды свои судья не менял.

– Мое последнее слово ты слышал, Безари, – жестко изрек он. – В этот раз я закрою глаза, но в следующий я прикажу тебе освободить любого пленника, взятого тобой в качестве заложника. Я не буду устанавливать тебе сроков, но через три дня эта женщина и ее сын останутся в этом доме почетными гостями. А когда отдохнут, мы проводим их домой.

Безари Расмон подошел к казилкану вплотную.

– А не поступаешься ли ты своей совестью? – вкрадчиво спросил он. – Не играешь ли ты? Может, в голове твоей рождаются строки новой книги? – Безари жестом указал казию на дверь. – Пойдем, выйдем вместе и посмотрим на степь за садом. Вдруг Назир уже там, в форме армии эмира?

Расмон оглядел присутствующих в комнате, чтобы узнать, какое впечатление на них произвела его дерзкая речь. Большинство не одобряли его.

– Не забывай, Кори, – продолжил Безари, – я могу обратиться в шариат и по другую сторону границы.

– Это твое право, – ответил судья. – Никто из них не доверяет тебе так, как я. Ты можешь положить руку на Коран и поклясться на нем, но поверит ли в твою искренность тот же Орешин?

Безари раздул ноздри и недобро сощурился:

– Я плохо расслышал твои слова, Кори. Не повторишь ли ты их? Боюсь, наши соратники тоже...

Судья перебил его:

– Я не хотел обидеть тебя, Безари, успокойся. Я дал тебе срок. И мне единственному поверит Орешин, когда я произнесу клятву на Коране и скажу ему, что с головы его жены и сына не упадет ни один волос, пока я не увижу его самого.

– Одного, – добавил полевой командир.

Казий согласно наклонил голову.

– Конечно, одного. На Священной Книге поклянусь ему, что заложники будут переданы его людям и с ними также ничего не случится. Ты это хотел мне сказать?

Расмон приложил руку к груди.

– У тебя мало времени, Безари, – продолжил судья. – Торопись. Хочу тебе напомнить еще одну вещь: когда ты впервые говорил с Орешинным о его семье, ты ссылался на меня. Я простил тебе твою ложь.

Казилкан слегка склонил голову и вышел из дома.

Безари облегченно вздохнул. Он почти добился цели. Од-

нако ему пришлось выслушать от казиза неприятные и даже оскорбительные для себя слова. Ему хотелось подойти к пленникам и долго пинать их ногами, чувствуя через ичиги их податливые тела.

Анна все слышала, сон моментально пропал, остались непомерная тяжесть и боль за сына, за Игоря, самую малость – за себя. О себе было просто горько думать.

Ей показалось, что живет она не в конце двадцатого столетия, а на рубеже девятнадцатого: халаты, у кого новые и богатые, а у кого старые, засаленные, вперемежку с камуфляжем смотрелись болезненно-ненормальным. У всех чалмы, овечьи шапки, кое-кто носил на голове солдатские панамы, смесь запахов дешевого чая и бараньего сала непривычна и тошнотворна; к ней примешивается вонь машинного масла для смазки огнестрельного оружия, которое, как на стенде, висит на стенах дома, торчит из-под халатов, надежно крепится в кожаных кобурах поверх камуфляжа и бронежилетов. Сумасшествие видеть себя на полу, накрытой куском полосатой ткани, откуда украдкой можно бросить взгляд на прислоненные к стене карабины, пулеметы, топорщившиеся объемными телескопическими сошками, коробки с выползающими из них, словно миниатюрные шпалы на рельсах, патронными лентами. Совсем безумно ощущать рядом горячее тело сына, который даже во сне не изменил суровое выражение лица; ужасно, что она не в силах помочь ни ему, ни себе.

Анна заплакала. Вначале беззвучно, потом чуть ли не в голос; плач едва не перешел в истерику. Она вдруг явственно представила себе казилкана, человека авторитетного не только в этих краях, где его слово было законом. Об этом знали даже *там*, и не раз через него велись переговоры. И вот казий в чалме, полосатом халате, отвергающий на заре двадцать первого века радио и телевидение, берет в руки сотовый телефон и говорит в хрупкую трубку: «Да, я клянусь на Коране, что с твоей женой и ребенком все будет в порядке. Клянусь на Священной Книге, что обмен будет равный и без посредников: два человека с нашей стороны, два – с твоей. Ты остаешься у нас, твоя жена и сын беспрепятственно покидают наши земли, их проводят до самолета. Клянусь. У тебя всего три дня. Говорю это без принуждения и добровольно, чему свидетель Аллах. Дальнейшие переговоры с тобой будет вести Безари Расмон». И голос полевого командира: «Надеюсь, ты уже получил мое послание?..» Голос ровный, беззлобный, деловой.

Странно, но Анна не чувствовала особой ненависти к своему пленителю. За эти дни она пыталась понять Безари, но, похоже, повстанцы и сами не хотят понимать друг друга. Они воюют уже семь лет, у них своя жизнь, устои, политика, а тут в их дела вмешивается некая сила, которая, согласовав, взвесив, получив приказ, отдает еще один. И все: «группа зачистки №2», не имея права спрашивать: зачем? почему? а если? – срывается с места. Они вне политики, они ее ору-

жие.

Игорь никогда не скрывал от жены, где он работает и кем. Анна мирилась с его частыми и длительными командировками. Она понимала его, словно была членом отряда, который прошел весь Северный Кавказ, Приднестровье, Таджикистан, Грузию... Понимала и вместе с тем ненавидела и... любила.

Как-то по телевизору показывали работу спецподразделения десантных войск. Смотрели всей семьей, кисло улыбаясь, понимающе глядя на показуху коллег. Потом корреспондент задал жутко провокационный вопрос, начав, впрочем, издалека:

– Хорошо отработали, ребята. Смотрится. Недавно проходили учения спецподразделений США. Американские бойцы сумели, в частности, пробраться на аэродром и заминировать самолет президента. А вы сумеете?

Пара спецов, которым едва перевалило за двадцать, хмыкнули:

– Влет!

Анна тогда спросила Игоря:

– А что, действительно смогут?

Муж пожал плечами:

– Не влет, конечно, но смогут. При условии, что навсегда забудут это слово.

Игорь надолго привлек внимание жены к этому слову. Оно порождает самоуверенность, говорил он, а нужно рас-

четливо верить в свои силы. Это совершенно разные вещи. И больше верить не только в себя, а в своего товарища; надо остаться в этой жизни, ради которой ты в молодости захлебывался дерьмом на марш-броске. Командир никогда не спросит тебя: «Сможешь сделать то-то и то-то?» – а если даже спросит, а ты ответишь: «Влет!» – никогда больше не пойдешь на задание.

Ирина призадумалась. Бойцы «групп зачистки» умели практически все, однако сами никогда не рвались в бой; как овчарки, ждали приказа: «Фас!» – и все сметут, разорвут.

Она в упор спросила:

– Унизительно?

Игорь ответил в своей манере:

– Нет – так велит время.

Анна возразила, невольно подражая ему:

– Все-таки странно: лучшие из лучших выполняют самую грязную и тяжелую работу.

Он ничего не ответил, только поцеловал в висок.

Не было, наверное, ни одной «горячей» точки, куда бы ни посылали в командировку Игоря Орешина. Три года назад ему присвоили звание подполковника и перевели, казалось, в самое глухое и холодное место – Полярный, Мурманская область. Главная причина состояла в том, что многие из руководителей бандитских формирований хотели видеть Игоря Орешина трупом. Его просто спрятали, переведя на Север. С другой стороны, дали новое подразделение, кото-

рому Игорь сам придумал название: «Черный беркут». Его детище. Тоже элита, тоже профессионалы высшего класса. Только теперь, выражаясь языком КГБ, Игорь Орешин стал «невыездным». Не сразу, еще полтора года он возглавлял бригаду, выезжая в места локальных конфликтов.

И вот закончились его командировки; теперь по вечерам он был дома. Больше года. И седел на глазах. Буквально за месяц его коротко стриженная голова стала похожа на ежика-альбиноса. Анна так смеялась над своим сравнением... Боже, как же стало легче жить! Пока он седел, она сумела пару раз съездить в Питер к сестре. И отдыхала! Она ОТДЫХАЛА! *Какое счастье не думать о смерти!*

Однако в третий раз назад она не вернулась. Все произошло на подступах к аэропорту, как-то очень быстро, сумбурно, больно. Потом резкая нехватка воздуха, удушье, близость конца. В короткие моменты прояснения сознания Анна видела перед собой бородатые лица, спокойные, сосредоточенные, даже умиротворенные, хотя она знала, что это маски, под ними скрываются злобные, хищные звери, жаждущие крови, много крови. Пока ей делали уколы наркотика, она, что удивительно, ни разу не вспомнила о Володьке, сыне. Впрочем, один раз это случилось, и она тогда улыбнулась, проваливаясь в бездну очередных галлюцинаций.

«О, раз его нет рядом, наверное, с ним все хорошо. Он сейчас с папой, с Игорем».

«Игорь» – вдруг растянулось слово, превращаясь в целую

фразу. И еще раз протянулось имя мужа, как будто через горло вытягивали ее собственный кишечник.

Потом приступ прошел. А дальше – волны свежего воздуха, валы пьянящего кислорода. В голове от этого кружение. Она чуть не упала, но ее поддержали чьи-то маленькие, но сильные руки. Она, еще не зная, кого благодарить, приоткрыла рот и повернула голову. И тут же из нее со страшным воплем выплеснулся весь кислород:

– ВОЛОДЯ!!

Ее поддерживал собственный шестилетний сын...

Почему он такой маленький?! – метались в голове отравленные наркотиком мысли. Он должен быть большим. Анна подняла голову, увидела громадные, величественные горы с подножиями глинистого цвета, облака, окружающие их, и рябь, странно похожую на море после дождя. Рябь стала крупнее, превращаясь в волны, и Анна потеряла сознание...

...Безари Расмон, подойдя ближе к спящим, несколько секунд вслушивался в их беспокойное дыхание. Потом, обращаясь к товарищу, приказал:

– Кадыр! Буди их завтра пораньше и хорошенько накорми. Путь нелегкий, за день мы должны добраться до места.

3

Москва, Ленинградский вокзал

Скорый поезд №15 Мурманск – Москва прибыл на Ле-

нинградский вокзал столицы точно по расписанию. Игорь Орешин посмотрел на часы и сверился с расписанием. Следующий поезд на Мурманск будет только в ноль часов тридцать пять минут. Причем этот же, на котором они прибыли в Москву, только с другим номером – 16с. Проводница вагона, в котором они проделали долгий путь, улыбалась молодым людям с подножки, приветственно помахивая свернутыми сигнальными флажками желтого цвета.

– Назад поедете на фирменном, – грустно улыбнулся Орешин.

– Почему на фирменном? – удивился майор Кавлис.

Игорь пожал плечами:

– Не знаю, Коля... Мне так кажется... Уже представляю себе, как вы с Аней и Володькой садитесь на фирменный поезд. В вагонах занавески красивые, чистота, минимум остановок. Володька любит, когда поезда идут без остановок... Одним словом, это мое желание, понимай как хочешь. Но чтобы назад, – полковник Орешин погрозил ему пальцем, – именно на фирменном. Во-вторых, Коля, тебе нужно будет кое-что сделать в Питере, не забыл?

– Нет, конечно, у нас хватит времени обсудить это в самолете. К чему ты завел этот разговор?

– Чтобы не молчать.

Орешин подхватил спортивную сумку и быстрым шагом направился к выходу из Ленинградского вокзала.

Станислав Фиш и Кавлис переглянувшись, поспешили за

командиром. Они не озирались, зная, что за ними сейчас наблюдают. Военные следовали полученным инструкциям, иначе не стали бы трястись в вагоне скорого поезда, а вылетели в Ташкент или Самарканд прямым рейсом из Питера. Однако им передали, что из Полярного они должны прибыть в Мурманск, оттуда в Питер. Здесь им надлежало сесть в скорый № 15, следовавший до Москвы. И уже из столицы России вылететь в республику Узбекистан. Дальнейший маршрут также был четко расписан: из Ташкента на автобусах прибыть в Сурхандарьинскую область, где их будут встречать.

Глупо, конечно, какая-то мышьяная возня, неприкрытая и непрофессиональная возня. Однако жену и сына Орешина они взяли профессионально. И, если не брать в расчет график и средства передвижения, похитители в основном работали, опираясь на опыт и психологию одного из самых известных командиров войск специального назначения Игоря Орешина.

* * *

Станислав Фиш вошел в состав спецподразделения в 1992 году, когда оно именовалось просто: «Группа зачистки № 2». Как раз в тот период ингушские бандитские группы, пришедшие из Назрани, рванулись во Владикавказ, но не дошли до него. Уничтожили бандитов уже за селом Тарским. От-

ряд Игоря Орешина был срочно переброшен в район, указанный разведчиками ГРУ. Однако переброска шла чрезвычайно медленно, чем нервировала командира отряда быстрого реагирования.

В Тарском после пребывания банды творился полнейший кошмар. Бандиты в первый же день расстреляли в осетинском селе около сорока человек. Самым ужасным было то, что в расправе над мирными жителями принимали участие дряхлые старухи и совсем юные ингуши. Доходило до изуверств: отцов и матерей осетин истязали, а потом добивали колющими предметами на глазах их детей; а других родителей заставляли смотреть на мучения собственных детей.

Банда ингушей, передвигавшаяся на БТРах и грузовиках, была взята «группой зачистки №2» в кольцо в небольшом поселке, в тридцати километрах от Тарского. Отряд Орешина насчитывал двадцать шесть человек, кольцо оказалось редким, но ни один бандит живым не ушел.

Первое, что увидел Станислав Фиш, это БТР, к которому за ноги был привязан начальник поселковой милиции. Майор был еще жив; бронемашина тащила его по земле со скоростью сорок километров в час. Он извивался на веревке, стараясь поднять голову, но его постоянно переворачивало при движении машины, и он на полном ходу ударялся о землю то лицом, то затылком... Руки были крепко связаны за спиной.

Рядом со Стасом на позиции находился командир Игорь Орешин и Олег Аносов, снайпер, каких поискать. Расстоя-

ние до БТРа около ста метров, но Олег не колебался ни секунды. В горах чаще всего возникает ошибка в определении расстояния – цель кажется ближе. Аносов, сделав соответствующие поправки, выстрелил.

И в жизни такое бывает, не только в крутых боевиках. снайпер с первого же выстрела перебил веревку, и майор замер на месте; только освободившаяся веревка метнулась к нему, утопая в клубках желтоватой дорожной пыли.

– Получи! – Станислав услышал характерный звук выстрела из подствольного гранатомета «ГП-25» и бросил на плечо пехотную «муху».

БТР с трех сторон в одну секунду был обстрелян гранатами и зашелся черным дымом.

Из раскаленной, изувеченной машины, каждый бронированный сантиметр которой кричал о неотвратимой смерти, с руганью и кашлем стали выбираться чудом уцелевшие бандиты. Орешин с бойцами уже бежал в их сторону, с тем расчетом, чтобы под прикрытием временной дымовой завесы выйти к двум грузовым «Уралам». Стрелять приходилось наверняка, чтобы в дыму не попасть в своих. Уже на расстоянии шестидесяти-семидесяти метров бойцы начали громко перекликаться, используя свои номера и клички. Они не могли терять время: одна из заповедей спецназовца «стреляй первым или умрешь» жила у каждого в крови.

Раненые и контуженные взрывами бандиты, едва успевшие сориентироваться в дыму, тут же были прошиты очере-

дями из автоматов.

Со стороны поселка слышались трескотня, гортанные выкрики. Фиш и Аносов остановились возле раненого майора милиции. Работали всегда парами, одиночек в отряде не любили, да их практически и не было, хотя каждый мог сделать свое дело и за себя, и за товарища.

– Ты как, браток? – Орешин опустил перед майором-осетином на колено, сдергивая с полупетли «разгрузки» маленький, необычной формы нож, прозванный спецназовцами «робинзоном». Stanislaw стоял рядом в таком же положении, коротко поводя стволом и головой в «сфере». Освободив руки и ноги начальника милиции, Орешин еще раз спросил: – Как ты?

– Нормально, – прохрипел разбитыми губами майор. Руки и ноги его затекли, видимо, начальника милиции долгое время держали связанным. Он сделал знак головой: можете оставить меня.

Фиш дал ему глотнуть из фляги, положил ее на грудь майору и двинул с товарищами дальше.

Впереди и справа от них раздался характерный вой, оба спецназовца и командир подсознательно определили: гранаты кумулятивного действия «ПГ-7 ВР» – и тут же взрыв. Едва смолк его отголосок, еще один: оба «Урала» выбросили в небо мощные столбы пламени.

И снова дым. Под его прикрытием отряд устремился в поселок. Теперь задача быстро, не давая бандитам взять залож-

ников, не попадаясь на их провокацию, распознать в продымленной мешанине тел оставшихся в живых коренных жителей. На первых порах бандиты будут яростно сопротивляться, но в какие-то мгновения могут и должны пойти на провокацию. А пока всех — и ингушей и осетин — лицом к земле.

За углом дома, сидя на коленях, сгорбилась маленькая почерневшая старушка; сидит и покачивается, глядя безучастно вдаль. Фиш невольно остановился перед ней. Шок. Не скоро еще пройдет. Это сразу бросается в глаза. «Оса», в последний момент брошенная натренированной рукой Игоря Орешина, спасла ему жизнь. Фиша передернуло, на короткое время он потерял контроль над собой, глядя на торчащий в носу старухи нож для метания и пистолет в ее костлявых руках.

У вооруженной старухи, наверное, есть дети и внуки: потому рука товарища не смогла нажать на спусковой крючок, но та же рука сильно и метко, не колеблясь, швырнула кусок смертоносной стали.

Старуха-убийца... дети-внуки... рука не в состоянии произвести выстрел... нож... работа... Поди разберись с этим. Фиш до сих пор помнит ту старуху, которая готова была убить и убивала до этого, пыталась на глазах у матерей их детей. Страшная картина то ли возмездия, то ли чего-то демонического: старческое, одетое в черное тело и жуткие ненавидящие глаза; старуха похожа на смерть, какой ее обыч-

но изображают, – голый череп с седой прядью, проваленные глазницы, а чернеющая пустота вместо носа чудовищно тащится зеленоватой рукояткой «осы».

Фиш получил звонкий удар по щеке.

– А... Товарищ майор... – И получил от командира еще одну оплеуху. Орешин, идя на задание, всегда вставал в пару вместе с «первоходами». В это время и происходили настоящие занятия, обучение навыкам, которые нельзя привить бойцу ни на каких тренировках.

– Очухался, Стас?

– Да, товарищ майор.

– Молодца! Вперед! Теперь смотри в оба, особое внимание обращай на юнцов. Те хоть и хилые, а запросто управляют с ручными противотанковыми гранатометами. Смотри, сколько они народа положили... Знаешь, что такое подранок?

– Знаю, товарищ майор.

– Без прямой необходимости не убивай. Сам видишь, какой контингент нам достался.

4

Москва, Управление по борьбе с терроризмом

Директор Департамента «А» читал сейчас лекцию в Академии ФСБ. Александр Ильич Головачев, командир части, к которой была приписана бригада «Черный беркут», знал об этом. Секретарь директора сообщила ему, что Вадим Ро-

манович будет в течение часа-двух, у него есть неотложные дела в Департаменте.

– Но если у вас что-то срочное, Александр Ильич, – добавила секретарша, – я могу связаться с шефом по мобильному телефону.

– Час-два говорите? Нет, не нужно. Я подожду.

Генерал-майор несколько раз отмерил длинный коридор, заглянул в кафетерий, выпил кофе из «пакетика» – мерзкое пойло с сухим молоком и заграничным названием «Иглз».

Из головы не выходил Игорь Орешин: не посоветовался, опрометью бросился спасать жену и ребенка.

А куда, собственно, ему было деваться и что делать?

Около недели назад Головачев удивился нездоровому виду полковника, когда тот пришел на оперативное совещание к нему в кабинет, хотя особого внимания не придал: мало ли что бывает? Прихворнул, с женой накануне поцапался или, наоборот, уснул поздно. Но глазами спросил жоака «беркутов»: что случилось? Орешин отделался мефистофельской гримасой, от которой за версту тянуло прокисшей капустой. Ну и ладно. Головачев продолжил совещание, позабыв о том, что, пожалуй, впервые видел на лице Орешина болезненное выражение.

– Вам еще кофе?

Головачев с удивлением посмотрел на немолодую официантку, державшую в руке белый электрочайник с чуть горячей водичкой.

– Нет, спасибо.

Он быстро вышел из кафетерия и нос к носу столкнулся с директором Департамента.

– А-а, – вместо приветствия протянул Осоргин, пожимая руку Головачеву. – Александр Ильич собственной персоной. Ко мне? – Он сделал приглашающий жест и направился к своему кабинету.

– К тебе, к тебе, – Головачев долго пристраивал в кресле свое массивное тело. – Я насчет Орешина, Вадим Романович.

– А что случилось? Одну минуту. – Осоргин быстро поговорил по телефону. Потом еще один звонок, сделанный уже им самим. – Так что там с Орешиным?

Осоргин был чуть выше среднего роста, грузный, с мощной короткой шеей. Он не имел обыкновения подолгу смотреть в глаза собеседнику, ограничиваясь короткими цепкими взглядами.

– Неприятности у него, Вадим Романович, – тихо проговорил Головачев. – Жену и сына взяли в заложники.

– Та-ак... – Осоргин обеими руками пригладил волосы. – Ну-ка, рассказывай. – И снова потянулся к трубке.

Генерал остановил его:

– Погоди, Вадим.

– Да нет, я по другому вопросу. – И покивал головой: «Я слушаю, слушаю».

Головачеву неловко было вести разговор в такой манере,

когда тебя либо отвлекают от разговора, либо не совсем внимательно слушают, показывая свою незаинтересованность. Осоргин не относился к последним, поэтому Головачев, сохраняя на лице выражение легкого недовольства, начал.

Он был прав: кто-кто, а уж Осоргин-то в первую очередь должен был заинтересоваться разговором, поскольку бригада «Черные беркуты» входила в его ведомство, так же, как «Альфа» и «Бета». Правда, «Беркуты» не так давно появились на свет, но были созданы из грозной «группы зачистки № 2», коя неофициально входила в состав «Альфы», но была совершенно независима от ее командования. Сейчас «беркуты» состояли в основном из спецназа морской пехоты, но костяк составляли «старики» из группы зачистки. А командир «беркутов» заочно был приговорен к смерти несколькими бандформированиями, и за его голову предлагались немалые суммы.

Осоргин слушал, вертя в руках записку от Орешина, которую нашли в его пустой квартире.

– Кто еще в курсе похищения? – спросил директор.

– Лучше спроси, кто в курсе насчет исчезновения, – съязвил Головачев. – Несколько человек.

– Назови их. – Осоргин взял в руки остро отточенный карандаш.

– Заместитель командира бригады майор Кавлис и командир взвода Станислав Фиш, – перечислил Головачев.

– Расскажи подробнее. – Осоргин занес фамилии в чи-

стый лист бумаги.

– Одним словом, Орешин позвонил Кавлису и сказал, чтобы тот взял кого-нибудь из сослуживцев, назвав при этом Фиша, и срочно прибыл в Мурманск. Там, мол, все и выяснится.

– Откуда был звонок? – поинтересовался директор.

Головачев пожал плечами:

– Черт его знает... Междугородний.

Осоргин взгляделся в собеседника и отложил карандаш в сторону:

– Вот что, Александр Ильич, давай начистоту. Где сейчас Кавлис и Фиш?

Командир части вобрал в себя побольше воздуха и выпалил:

– На пути в Самарканд. Два часа назад они связались со мной. Жена и сын Орешина с ними.

Несколько секунд в кабинете висела тишина.

– Так, – протянул Осоргин. – Понятно. Обмен, значит, произошел? Где?

– Неподалеку от Турсунзаде. Кавлис не рискнул воспользоваться автобусом, который им предложили бандиты, и посадил семью Орешина в рейсовый. Они сделали пересадку в Шаргуне, когда проехали перевал и миновали границу с Таджикистаном. Как я говорил, скоро они будут в Самарканде.

– И сколько времени ты молчал?

Генерал-майор ответил коротко:

– Недолго.

Отвечая на вопросы директора, Головачев смотрел на него неотрывно, в то время как сам директор по обыкновению ограничивался короткими взглядами. Такой визуальный контакт собеседников вносил дискомфорт в разговор в целом. Во всяком случае, для Головачева. По идее на вопросы должен был отвечать Осоргин, который, казалось, намеренно прячет глаза.

– У кого Орешин? – спросил директор.

– Безари Расмон, ишан, глава нижнепанджского мистического братства. Непримиримые.

– Слышал о таком, – кивнул Осоргин. – Значит, проводил друга с почестями, а, Александр Ильич? И цветы, наверное, на пороге его квартиры положил?

Головачев не принял мрачной шутки директора. Он покачал головой, в голосе прозвучал укор:

– Зачем ты так? Если честно, это было личное дело Орешина, я ни в чем его не виню. И также не могу винить Кавлиса и Фиша. Игорю помощь была нужна, понимаешь?

Осоргин демонстративно развел руками: как не понять!

Головачев продолжил, оставляя без внимания жест директора:

– А что мы официально смогли бы сделать для своего офицера, попади он в такую ситуацию? Да ничего! Сказали бы, что, дескать, не только твои родственники в плену, не только русские, а иностранцы, из правительства люди. Вот

что мы ему сказали бы. И сиди, мол, друг, не рыпайся; а с Безари Расмоном твоим будем вести переговоры на официальном уровне. Свяжемся с друзьями в Таджикистане, с миротворцами и крючкотворами... Потерпи, вызволим. Да не такой человек Орешин, и не такой Безари. Оба знают, что в таких делах промедления быть не должно. Если бы Орешин не прибыл в Турсунзаде вовремя, Безари казнил бы его семью и сделал бы это очень жестоко. – Головачев помолчал. – Конечно, я отвечу за все, меня и наказывай.

Осоргин наморщил лоб, хмурым взглядом окидывая собеседника.

– Ладно, давай середину разговора пропустим и начнем с конца. Сделаем вид, что ты не говорил, а я, само собой, ничего не слышал о своем офицере, чтобы он сидел и не рыпался, терпел и так далее. Итак, ты ведь не только за этим пришел?

– И сам бы пришел, но попозже, да ребята поторопили. – Головачев завожился в кресле, принимая более удобное положение. – Сидят, понимаешь, «беркуты» и глохнут от злобы. У тебя ничего не намечается в горах Таджикистана? Никакой диверсии? – Генерал постарался изобразить на своем лице наивность.

– Ты это брось! – Осоргин встал с кресла и заходил по кабинету. – Там миротворцы работают, пограничники гибнут, а он – диверсия! Сложив руки сидеть не будем, это естественно, будем и операцию по освобождению Орешина разраба-

тывать. Хотя давай посмотреть правде в глаза: Орешин, если Безари отпустил его семью, уже покойник. Ты это понимаешь? Игорь со своей бригадой уничтожил целую банду в составе ста семидесяти человек! Ему там давно смертный приговор подписали. Шариатское правосудие не наше. Там увидели человека, нацелились на него пальцем, а потом повели стволом автомата. Сейчас Безари «подлечился», я могу поднять на его группировку данные и уверен, что у него в отряде не меньше ста пятидесяти боевиков. Ты детали, детали давай. Кто вел переговоры с Орешиним, коль он так смело отправился в путь?

– Он никогда не был трусом, ты знаешь.

– Не цепляйся к словам. Так кто?

– Казий Кори-Исмаат.

– А-а... Судья. Поклялся на Коране, значит...

– Насколько я знаю, он еще ни разу не нарушал своего слова. Я бы тоже согласился на обмен.

Осоргин махнул рукой на замечание Головачева и полез в холодильник. Директор Департамента «А» и командир части были почти одинаковой комплекции, Осоргин долго копался в чреве агрегата, закрывая освещенное пространство холодильника грузным телом. Ничего полезного или нужного он там не нашел. Вытащил помятую банку пива. Ничего себе допинг! Забросил ее обратно и ногой прикрыл дверцу.

– А где Безари «взял» семью Орешина? Не мог же он в Полярном! – И отстранился рукой, включая селекторную

связь. – Оля, принеси из буфета водки, колбаски копченой, пусть запишут на мой счет.

– Анна и Володька были в Питере, у сестры Ани. Помню, за несколько дней до этого Игорь рассказывал, что Анна последнее время была какая-то... он в этом месте замялся, понимаешь? Раскрепощенная, что ли. Я, говорит, теперь почти всегда дома, работа чуть ли не под окном. Одним словом, она раскрепостилась, а я расслабился в доску, твою мать! Я еще спросил его: «Что случилось, Игорь?» Он промолчал. Ну, думаю, дела семейные, улягутся потихоньку. Это мы у меня дома сидели, за рюмкой чая.

Головачев только сейчас вспомнил, что Игорь в тот вечер говорил эмоционально, грубо, помогая себе жестами, но сидел на диване прямо, не меняя позы, словно повторял чьи-то слова.

– Сейчас Оля водочки принесет, и мы с тобой тоже почастуеваем. Потом буду докладывать, – пообещал Осоргин.

– Это понятно... Слушай, Вадим Романович, ведь ты можешь подключить к работе своих «дипломатов», пусть в свою очередь потолкуют с оппозицией Безари, потянут время.

– Я понимаю тебя, Саша, но... – Взгляд Осоргина был совсем иным, чем несколько минут назад. – Никто время тянуть не будет. По факту заведут уголовное дело, дождутся Анну Орешину, возьмут и с нее показания, и с тебя. Интересное будет дело, поучительное, и не более того.

– Шутка, – вздохнул Головачев. – Я скажу более конкретно: милиционер ответил тете: когда убьют, тогда придете.

Осоргин хмыкнул и громко позвал:

– Оля!.. Вот черт! Видел, ноги какие длинные? – Он поднял руку над головой. – А ходит, как на коротеньких, не дожدهшься. Вот так придешь с похмелья, попросишь Олю сходить в буфет и околеешь, честное слово. Ну, наконец-то! Ты даже открыть успела? И колбаску порезать? А мы тебя ругаем!

Секретарша покраснела и вышла из кабинета.

– Без тоста, – Осоргин одним залпом осушил полстакана «Столичной».

Головачев тут же «догнал» директора. Осоргин вернулся к начатой теме.

– Повторяю тебе, Саша, дело будет поучительное. Запомни мои слова. А еще мы через пресс-службу просто обязаны оповестить СМИ... А Орешина жаль, мучиться будет бедняга. Безари над ним усердно поработает.

Командир части потянулся к мелко нарезанной колбасе.

– Многие уверены в том, что Безари продлит «удовольствие», – произнес он жуя. – Когда два года назад Орешин брал его банду, у Безари были два пленных узбека. Он держал их в тесных клетках, жарил на солнце, не давал воды. Потом ненадолго выводил из клетки, поил и снова за решетку. И все это время на глазах пленников истязал их родных. И те и другие сходили с ума. Дней десять-пятнадцать про-

должаются такие пытки, больше никто не выдержит. Я это к тому, что Безари не страдает изобретательностью. Понял?

– Кажется, понял.

– Ну вот и хорошо, – обрадовался генерал. – У меня ребят набралось человек пятнадцать, давно в отпуске не были. Сегодня пристали с утра: Александр Ильич, дай нам отпуск.

Осоргин внимательно посмотрел на Головачева, снял трубку, сверился с номером и долго жал на клавиши телефона:

– Начальника штаба, – распорядился директор, даже не поздоровавшись с дежурным. – Осоргин... Евгений Осипович? Осоргин беспокоит. Я слышал, у вас в части несколько человек просятся в отпуск... Да, из «беркутов». Так вот, чтобы ни один из них часть не покинул. Объявите среди состава повышенную боевую готовность. Это приказ. Отпустишь – ответишь. Кавлис и Фиш? Ну эти пусть гуляют, можешь отпуск им продлить. Будь здоров. – Директор положил трубку и посмотрел на Головачева: – Вот так, Александр Ильич, никакой самостоятельности.

– Ну что ж, спасибо. Я пойду, наверное.

– Давай. Только из Москвы пока не уезжай. Мне твоя задница понадобится. Моей одной, сам понимаешь, мало будет.

5

Узбекистан, Сурхандарьинский район

Старенький автобус Львовского автозавода натужно ревел на подъемах горной дороги. Пассажирам казалось, что грузная машина вот-вот развалится; не опасались они только одного – что водитель заснет за рулем. Под такой рев заснуть было невозможно.

Однако Володька мирно дремал, положив голову на колени дяди Коли. Кавлис время от времени обмахивал голову мальчика сложенной вчетверо газетой: атмосфера в салоне накалилась до предела, жара в горах стояла страшная. Страдали от зноя почти все, за исключением привыкшего к ежедневным рейсам водителя и Анны Орешинной.

Она безучастно смотрела в окно, и Кавлис ежеминутно ловил сочувствующие взгляды Станислава Фиша, сидевшего рядом с женой командира. Стас и не пытался заговорить с женщиной, все, что необходимо было, сказал еще в начале пути Кавлис. «Мы обязательно вернемся сюда. Вот только доставим тебя и Володьку домой. Мы сделаем свое дело, обещаю тебе». Анна благодарно кивнула, несколько раз сказала «да-да, конечно» и замкнулась в себе. И только один раз взглянула на сына: теперь он был в надежных руках. А она, словно в те, первые дни, когда ей вводили наркотик, забыла, казалось, обо всем на свете. И не помнила, наверное, того жуткого для нее момента обмена заложниками.

Игоря провели в двадцати шагах от нее. Командир «Черных беркутов» о чем-то попросил сопровождавших, но один из них покачал головой. Орешин только помахал жене рукой

и крепко сцепил руки, посылая этот обнадеживающий жест сыну.

Ах как хотелось Вовке броситься к отцу, но его удерживали крепкие руки Стаса. Фиш был начеку, видя нешуточное вооружение бандитов, приехавших к месту обмена на трех автомобилях «Нива».

Орешин в последний раз обернулся на жену, сына, товарищей. Последний взгляд его был адресован Кавлису; командир словно просил его ничего не предпринимать, хотя и так знал, что обречен.

– Мы обязательно вернемся сюда, – шепнул Кавлис на ухо Анне, принимая ее от бородатого бандита. И только после этого поздоровался: – Здравствуй, Аня.

– Да-да, конечно... – Она смотрела на мужа. Он шел левее, почти параллельно ей. На него смотрели десяток автоматных стволов.

Почти разом хлопнули дверцы легковушек; поднимая бурю пыль, машины развернулись и взяли направление на восток.

На первой же автостанции Кавлис решил сменить автобус. Вышли только они четверо, женщина с бидоном и молодой человек. Не оборачиваясь, пошли в сторону городка. Николаю и его спутникам пришлось долго ждать следующего рейса, скрываясь от солнечных лучей в провонявшем фекалиями зале автобусной станции. Спустя три часа подошел точно такой же автобус рейсом Шаргунь – Шахрисабз с разговор-

чивым водителем.

Едва тронулись с места, шофер, увидев в салоне русских, взял на себя роль гида и указал рукой вправо:

– Сейчас повернем и проедем мимо кишлака, где я родился. Мой отец был купец, его звали Юлдаш-бай. Настоящий купец был! Когда в наших краях свирепствовала эпидемия холеры, он всю торговал саванами. Настоящий был купец. Вон-вон, видите просторный двор? Это мой дом. Богатый дом, восемь детей...

Через двадцать минут нескончаемой болтовни водитель посадил попутчика, о чем-то быстро поговорил с ним по-узбекски и принял от него деньги. Потом встретилось еще несколько селений, где подсаживались узбеки, с удивлением рассматривавшие русских пассажиров.

Примерно на границе Сурхандарьинского и Кашкадарьинского районов один из пассажиров вышел. До этого момента он сидел позади всех, где жар от работающего мотора был почти невыносимым. Кавлис проводил его взглядом, припоминая, когда садился этот парень.

* * *

Таджикистан, район Нижнего Пянджа

Дом судьи Кори-Исмата был большим, просторным, рядом с ним находился еще один маленький, на семи балках, в котором жили охранники судьи. Сейчас все были во дворе.

Сам Кори возлежал на глинобитном возвышении у восточной стены дома, пил чай и читал бейты из книги Исо-махмуда:

*Доколе от безделья мы будем, увядая, умирать?
В твоих руках листы моей тетради: так собери их и
используй!*

Казий, отрываясь от книги, подумал, что писал это двестише мудрый человек. «Мы будем, увядая, умирать...» — еще раз повторил судья, недовольно покосившись на откормленного волкодава, бесновавшегося у калитки.

«Кого там принесло?»

Ожидая доклада, судья посмотрел в чистое небо, где едва уловимые глазу зеленоватые оттенки постепенно переходили в ярко-желтые тона — это уже перед тем, как пронзительно-ярким пятном ухнуть в бездну солнца.

Эта мысль показалась судье неестественной. Получалось, что не солнце плывет по небу, а небо вращается вокруг светила, с податливостью жертвы отдавая себя пожирать вечному огню.

Слегка запутавшись в собственных умозаключениях, судья отвел заслезившиеся глаза и стал поджидать охранника.

Ибрахим торопливо подошел к суфе и почтительно склонился перед Кори-Исмамом:

— К вам Безари Расмон.

Судья поморщился: вот кого он не хотел бы видеть в

первую очередь. Когда люди Черного Назира уничтожили банду Расмона, тот набрал себе в отряд берберийцев или, как их еще называли в этих краях, бербер-хезаре – монголов, живущих в Афганистане, но говорящих на таджикском языке. Людей, которые умели воевать, и в жестокости им не было равных. У Расмона были деньги, он сумел завербовать в свой отряд берберийцев и до сих пор содержал их.

Отложив книгу, он сделал знак, чтобы Безари впустили.

Глава нижнепанджского братства приблизился и принял приглашение присесть на суфу. Ему подали зеленый чай с бараньим жиром, Безари сделал несколько мелких глотков.

– Я бы хотел поговорить с тобой с глазу на глаз, – гость недвусмысленно покосился на айван, за которым скрывался вход во внутреннее помещение главного дома.

Судья тоже посмотрел на террасу с высокой аркой, однако остался на месте.

– Поговорим здесь, Безари. Так что ты хотел мне сообщить? Надеюсь, новость окажется для меня хорошей.

– О да, конечно! – воскликнул полевой командир. – Только благодаря тебе Черный Назир сейчас в моих руках. Я посадил его в старый абхан³, пусть привыкает.

– Видит Аллах, это хорошая новость для всех нас.

К суфе подбежал племянник судьи, мальчик лет восьми, и попросил разрешения взять лепешку.

– Возьми и не мешай нам, Рузи, – велел судья.

³ Абхан (таджик.) – нужник, отхожее место.

– Спасибо, Кори-амак.

В это время во двор быстрой походкой вошел человек в запыленном халате и прошептал несколько слов на ухо Кори-Исмату. Судья несколько раз кивнул, лицо его выразило удовлетворение. Он отпустил посыльного и снова обратился к гостю.

– Один из моих людей, Безари, случайно стал свидетелем обмена. Он проводил семью и людей Орешина до самой Шаргуни. С ними все в порядке.

Безари приподнял брови.

– А вы сомневались, уважаемый?

– Видит Аллах, нет, – ответил судья, не замечая, что гость обращается к нему на «вы».

– А другой ваш человек не проследил случайно за моими людьми, которые отвезли Орешина в мой дом?

– Я его еще не видел. Жду с минуты на минуту. – Кори неожиданно улыбнулся гостю. – Хочешь, Безари, я прочту тебе удивительный стих?

И, не дожидаясь согласия гостя, судья по памяти прочел несколько строк:

Ее шаловливый взгляд – сама прелесть!

Ее мускусная бровь – несказанная прелесть!

Что за беда, создатель:

Прелесть, умноженная на прелесть!

Кори-Исмаат, смеясь, несколько раз хлопнул в ладоши, вы-

ражая восторг по поводу стихов. Ему пришла в голову мысль сыграть с Безари в бейтбарак⁴.

Гость оставался совершенно непроницаем. Его глаза строго и холодно смотрели прямо на хозяина богатого дома.

* * *

Узбекистан, Сурхандарьинский район

Кавлис отмечал каждого, кто садился в автобус и кто покидал его; если раньше он делал это машинально, то сейчас следил за всеми пассажирами с удвоенным вниманием. Они были одни в этой необъятной пустынной местности, нельзя было даже довериться местной милиции и пограничникам. А 201-я дивизия Минобороны, дислоцированная в Душанбе, – считай, ее тоже нет.

Парень, который готовился сейчас выйти из автобуса, держал в руках сумку: черная, хозяйственная, из дерматина, несомненно, та же сумка, с которой он садился.

Кавлис глядел на друга. Фиш смотрел в ту же сторону. Николай чуть успокоился и расслабился. Но тут же взял себя в руки.

Зашипел воздух в пневматических дверях, и парень, легко спрыгнув с подножки, проворно пошел в противоположную

⁴ Бейтбарак – игра, схожая с игрой в города. Один из участников называет бейт – двустилие, второй должен начать свой бейт с буквы, на которую закончился предыдущий бейт, и так далее.

по ходу движения автобуса сторону. Похоже, он что-то насвистывал. Кавлис чуть наклонился и повернул голову, провозжая его глазами. В последний момент он увидел, что тот закинул сумку за плечо. Сумка казалась почти или совершенно пустой. А когда он садился?.. Николай напряженно вспоминал тот момент.

Да, точно, болтливый водитель, увидев впереди голосующего парня, притормозил. В своем нескончаемом рассказе он как раз дошел до разбойника по имени Файзи-Авлие, который некогда орудовал в этих местах, и нескромно приравнял свою храбрость с именитым разбойником.

— Что там бандиты! Я знаю, как давать отпор самым заклятым негодьям, пусть даже они вооружены. Я бы не растерялся, если бы воскрес сам Файзи-Авлие и встал на моем пути...

Он открыл дверь, приглашая войти нового пассажира и, как у него всегда было заведено, сразу взял с него плату. Пассажир, ни на кого не глядя, прошел в конец салона.

Может быть, Николаю показалось, что парень бросил взгляд на мальчика, идя по проходу? Нет, этого Кавлис вспомнить не мог. Володька во сне совсем взмок, лоб его покрылся испариной, и Николай снова стал обмахивать его газетой.

Парень прошел рядом, проход был узкий, и он, чтобы не задеть сумкой сиденья, нес ее впереди себя. Нес неудобно. В сумке было что-то тяжелое. Если бы она была пустая, он

просто закинул бы ее за плечо, как сделал это сейчас.

Водитель включил первую передачу, что с хрустом отозвалось в коробке передач, и автобус медленно съехал с обочины.

Кавлис слегка приподнялся, пытаясь повнимательнее разглядеть парня через заднее стекло и заодно приподнимая голову мальчика со своего колена. Он уже не сомневался, что пассажир что-то оставил в салоне автобуса, что-то несомненно тяжелое. Сидел он особняком от всех, значит, передать содержимое сумки никому не мог.

Николай уже направлялся к тому месту, где сидел парень, и увидел его в заднее окно: тот, оглядываясь, уже не просто шел быстрым шагом, а бежал в противоположную сторону. Нервы у него не выдержали.

Станислав понял партнера. Он рванул к водителю, напугав двух молодых узбечек, которые всю дорогу от Шаргуни бросали на него заинтересованные взгляды и о чем-то шептались.

– Останови автобус!

– Что говоришь, дорогой? – Водитель, словно ведя трамвай, а не автобус, оторвал взгляд от дороги и во все глаза смотрел на русского пассажира.

* * *

Таджикистан, район Нижнего Пянджа

Судья почувствовал перемену в настроении Расмона и спросил его об этом. Безари ответил незамедлительно:

– Дело в том, уважаемый, что вы нарушили клятву, которую дали на Коране.

– Что?! Что такое?! – Кори-Исмаат отказывался верить своим ушам. – Повтори, Безари, что ты сказал!

Вместо ответа Расмон посмотрел на наручные часы и покачал головой.

– Они не доехали даже до Кеша⁵.

– Кто? – По лицу судьи текли крупные капли пота.

– Я не хочу говорить о людях Орешина, которые только что взлетели на воздух, я говорю о жене моего пленника и его сыне.

– Нет... – прохрипел судья. – Не может быть.

Зловещая улыбка на лице полевого командира подтвердила опасения судьи.

– Может, – кивнул Безари. – И очевидцы могут подтвердить ваши слова о том, что ваш человек проводил автобус с русскими до Шаргуни. Его тоже видели несколько человек.

Судья начал приходить себя. Он знаком подозвал охранников. Безари не двинулся с места. Он краем глаза наблюдал, как через забор энергично перелезают вооруженные люди.

...Когда телохранители Кори-Исмата упали возле ног своего хозяина, из дома раздался долгий многоголосый женский плач и причитания.

⁵ Кеш – старинное название Шахрисабза.

– Эй! – крикнул Безари. – Успокойте их там!

К дому спешили коренастые широкоскулые люди, одетые в халаты и меховые шапки. В руках они держали длинноствольные израильские карабины «узи».

* * *

Узбекистан, Сурхандарьинский район

– Останови! Автобус заминирован! – Наверное, это было единственное, что могло встряхнуть водителя и оторвать его от своих воспоминаний о бурной молодости и кипучей зрелости. Стас сам стал выкручивать руль вправо.

Пассажиры вскочили со своих мест.

Кавлис уже добрался до кресла, где сидел странный пассажир, и увидел самодельное взрывное устройство на тротильных шашках. Они наглухо были прикручены стальной проволокой к металлическому каркасу сиденья. Сверху прикреплялись изоляционной лентой, прятавшей провода. Подобие таймера было повернуто экраном в сторону сиденья, разобрать, на какое время поставлена мина, оказалось невозможно. Она могла рвануть в любую секунду.

– Стас! Мина! Тротил.

Николай бросился к Володьке. Мальчик уже проснулся от громких криков и искал глазами дядю Колю.

Кавлис схватил его на руки, ногой ударил в стекло. Автобус все еще продолжал движение. Недоумок водитель отка-

зывался верить, что его автобус заминирован.

– Стас! – Николай еще раз ударил ботинком в окно. Бил из неудобного положения, через два сиденья. Нога только скользнула по стеклу. Да еще автобус мотало, и Николай едва удерживал равновесие, одной рукой держа на руках ребенка, другой ухватившись за поручень. – Бери Аню, Стас!

В салоне от полутора десятков голосов стоял такой гвалт, что перекричать его было сложно. Кричали мужчины, истерично вопили женщины, лишь водитель продолжал упорствовать. Наконец и он поддался всеобщему волнению и резко прижался к обочине.

Стаса кинуло на лобовое стекло и к двери, на него обрушилось не менее десяти пассажиров. Он сумел оттолкнуть от себя двух человек и через сиденья устремился к Анне.

Женщина все еще пребывала в шоковом состоянии, ища глазами сына. И увидела его на руках Николая. Майор, с третьего раза разбив толстое каленое стекло и прижимая мальчика к груди, покидал автобус не совсем обычным способом: отталкиваясь и переворачиваясь, будто намеревался разбиться затылком об асфальт.

Николай сгруппировался и, крепко держа мальчика на груди, приземлился на затылок и на спину; но основной удар пришелся на плечи. Затем, стараясь не нанести малышу травму, резко подогнул ноги и выбросил их вперед. Через секунду он стоял на коленях. Вскочив, он помчался от автобуса, оглядываясь и торопя товарища:

– Ну, давай, Стас! Давай! Вытащи ее...

* * *

Таджикистан, район Нижнего Пянджа

Раненный в плечо, судья пытался остановить одного из бежавших, и ему это почти удалось: он ухватил берберийца за длинный подол его халата, но тот на ходу выстрелил в судью еще раз. Пуля пробила казилкану вторую руку.

Кори-Исмат терял сознание, но оно цеплялось за крики в доме, вскоре переросшие в один долгий, нескончаемый вопль. Шесть дочерей! Боже милостивый, что они сейчас творят с ними!.. Угасающими глазами судья попросил гостя: нет, Безари, пожалуйста, не надо!

Расмон не ответил – было поздно. Монголы с присущей им жестокостью насиловали сейчас в доме дочерей и жену Кори-Исмата. А когда все закончится, всем до одной пережут горло, и богатый дом судьи вспыхнет, как факел. Судья Расмону больше не нужен – Кори сделал свое дело.

Безари с некоторым сожалением нажал на спусковой крючок пистолета.

* * *

Узбекистан, Сурхандарьинский район

Стас подхватил Анну под руки и, напирая на толпу пассажиров спиной, поволок ее к выходу. Ему казалось, что таким образом он сумеет покинуть автобус быстрее, нежели через окно. К тому же своими активными действиями он помогал пассажирам быстрее оставить опасное место; и в окно сейчас вылезал не очень расторопный узбек. Своим заплывшим телом он загородил весь оконный проем. Долго будет возиться.

Стас, прижимая женщину к себе, тащил ее к дверям. Краем глаза отмечал: пять человек осталось...

Четыре...

Три...

Два...

Скоро наша очередь.

Узбек в окне решил и наконец выпрыгнул из автобуса.

По правую руку от Стаса, матерясь по-русски, открывал свою дверь водитель, но ручка замка не хотела поворачиваться. Водитель переключился на стеклоподъемник.

Молодая девушка, покидавшая салон перед Стасом, споткнулась и упала на нижнюю ступеньку. Фиш наступил на нее, но от ее громкого крика тут же поднял ногу.

– Давай быстрее!! – Он поймал на себе отчаянный взгляд Анны. – Все будет хорошо, – прохрипел он ей в лицо и чуть отстранился. – Быстрее!!

Девушка-узбечка отталкивалась ногами от ступеньки, уже лежа спиной на асфальте. Затем кубарем скатилась под откос.

Ну слава Богу!..

Теперь мы.

Стас сделал шаг назад.

Анна повторила его движение в точности, словно они танцевали танго в просторном зале, а не спешно покидали заминированный автобус.

И последний шажок.

Стас уже стоял на земле. Чтобы Анне удобнее было спуститься вслед за ним, он чуть отпустил ее и держал горячие ладони женщины в своих вытянутых руках. Ей нужно было сделать только одно движение – слегка оттолкнуться или просто прыгнуть со ступеньки. Грубо дернуть женщину на себя и скатиться вместе с ней на обочину Стас не решился. Пришедшая в негодность пневматика подвела в самый неподходящий момент: скрипя, двери начали закрываться; рвани сейчас Стас женщину, ее нога могла застрять между створками дверей.

Стас, одной ногой удерживая правую створку, смотрел на Анну. И она во все глаза смотрела на него. И словно не стало вокруг воздуха, все звуки утонули в вакууме. Это походило на конец самой жизни.

Давай, Аня!

Она оттолкнулась.

Сильнейший взрыв приподнял автобус от земли, и он стал медленно заваливаться на правый бок. Во все стороны брызнули осколки стекол. Автобус еще раз дернуло, когда сзади

рванул бензобак, отфыркиваясь горящим маслом.

Взрывная волна дошла и до Кавлиса, он машинально прыгнул на землю правым плечом вперед, ногами в направлении взрыва. Мальчик по-прежнему крепко прижат к груди. Николай приподнял голову и посмотрел назад, но в бешеном вихре пламени и дыма ни Анны, ни Стаса разглядеть не смог.

Анна была уже мертва, и руки Стаса не смогли принять ее. Его отбросило от автобуса, схватившись за шею, он корчился на земле, поливая ее кровью. Острый осколок незакаленного стекла резанул его по шее, перерубив горло почти пополам.

Агония длилась недолго. Кровь сильными фонтанами била в землю, в небо; руки скользили по горлу, пальцы попадали во что-то невообразимо глубокое, огненное; перерезанное горло не смогло больше втянуть в себя ни одного глотка воздуха. Еще раз перевернувшись, Стас затих навсегда.

* * *

– Дядя Коля, пойдем к маме, – канючил Володька, теребя Кавлиса за штанину. – Ну пойдем.

Майор стоял возле тела товарища, но смотрел на женщину, которая безмятежно уснула среди дымящихся обломков автобуса. Только лицо в копоти и платье прожжено. Ее глаза были открыты, руки раскинуты, ноги прижаты многотонной массой машины.

– Нельзя нам туда, малыш. – Кавлис поднял мальчика на руки, пряча горящее лицо и слезы у него на груди.

Возле автобуса стали останавливаться проезжавшие мимо машины. Николай бросился к «Волге» «ГАЗ-24».

– Друг, срочно вези в Шахрисабз. Мальчик ранен.

– Не могу, дорогой, в другую сторону еду. Ай-ай-ай!

– Я тебе денег дам, рублей, много дам, давай, друг, выручай, неужели не жалко?

– Э! Садись!

Водитель «Волги» развернулся, и Кавлис в последний раз взглянул на своего товарища.

* * *

В Шахрисабзе Николай пересел в другую машину и через полтора часа был уже в Самарканде. Оттуда самолетом в Москву. Все это время он твердил одни и те же слова: «Я вернусь, Безари! Я обязательно вернусь».

Глава третья

6

Москва

Михаил Зенин спал, когда мать присела на край кровати и тронула его за плечо.

– Миша!.. Миша, проснись.

Зенин вскочил в постели и потянулся к стулу. Долго шарил рукой, ничего не понимая: где же стул, елки-палки?! Должен быть стул, на нем форма. Потом в глубоком недоумении посмотрел на мать.

– Фу-ты! – И длинно выругался матом. Затем притянул к себе мать за шею и поцеловал. – Извини, мам! Никак не привыкну. Две недели дома, а все как в казарме. – И снова выругался.

– Тебе звонят.

– Да? Дай-ка трубочку. – Михаил проснулся окончательно. – Алло, кто это?

– Николай Кавлис.

– Здравия желаю, товарищ майор!

– Здравствуй. Не очень тебя отвлек?

– Да нет. Спал просто.

– Встретиться надо. Я здесь, в Москве. Зайти к тебе мож-

но?

– Об чем речь, товарищ майор! Вы скоро?

– Минут через двадцать буду у тебя.

– Все, жду. – Михаил положил трубку. – Готовь на стол, мам, заместитель комбрига в гости надумал.

Зенин надел белую рубашку, примерил галстук, зашвырнул его в шифоньер. Посмотрел, как сидит на нем пиджак. Не понравилось. Остановил свой выбор на рубашке, отутюженных брюках, белых носках и шлепанцах.

Что и говорить, за несколько лет службы отвык от гражданской одежды, хотя втайне хотелось нарядиться. Звучит, конечно, по-деревенски, и тем не менее. Нарядиться, сходить в бар, поглазеть на девчонок красивых, познакомиться: «А вас как зовут, девушка? Меня... ну, конечно, Федя!» С перебитым носом, бычьей шеей и ручищами-лопатами – Федя. А вот если надеть маечку спортивную, тренировочные брюки, кроссовки и снова с теми же габаритами-приметами и подобным вопросом, тогда получится Вован. Или Колян. Ну никак не Миша.

Что бы такое надеть, Миша, чтобы ты не был ни Федей, ни Вованом? Как ни огорчительно, но, кроме черной маски и камуфлированного костюма, Михаил Зенин для себя придумать ничего не мог. Только эта форма делала его Мишей, таким, каким мать родила.

Михаил быстро снял с себя рубашку, брюки, надел спортивные штаны и майку. «Встречу майора Вованом. Интерес-

но, что он делает в Москве и для чего я ему понадобился?»

Кавлис поздоровался сдержанно, что для Михаила было неудивительно. В бригаде телячьей нежности не были приняты. Там разговаривали только на «ты». На «вы» значило вы..у, высушу и выкину. Все же были два человека, к которым обращались только на «вы» – командир бригады «Черных беркутов» Игорь Орешин и заместитель комбрига Николай Кавлис, которого за глаза называли Николо.

– Пройдем на кухню, – предложил майор.

Зенин толкнул дверь, пропуская начальника вперед, и шагнул следом.

– Ты в курсе насчет Орешина? – спросил он.

– В каком смысле? – удивился Зенин.

– Значит, ничего не слышал... А сколько тебе догуливать отпуск?

Михаил заворочал неповоротливыми пальцами.

– Семнадцать дней. – Так, с этим нормально. – Кавлис опустил глаза и тут же поднял их. – А вообще, Михаил, я к тебе за помощью пришел.

– Да говорите вы прямо, товарищ майор! – не сдержался Зенин.

– Стаса Фиша убили, – тихо произнес Николай, глядя на бойца.

– Ё... – Зенин привстал со стула и сжал кулаки. – На задание ходили?

Майор покачал головой:

– Нет. Это еще не все. Убита Аня Орешина, а сам командир у Безари Расмона. Помнишь такого?

– Еще бы не помнить! Вместе его по кишлакам гоняли. Как же так... – Зенин побледнел, пытаясь осмыслить ужасные новости. – Вы говорите... Аню Орешину? Как же это случилось? Расмон?

Кавлис кивнул:

– Именно поэтому я и пришел к тебе. Ты с нами ходил в тот рейд, многое помнишь. Одним словом, я собираю отряд.

– Записывайте меня, товарищ майор! – выпалил боец.

Тот остановил его жестом руки:

– погоди, Миша, не горячись. Времени мало, за три-четыре дня нам с тобой нужно набрать максимум бойцов. Насколько я знаю, из «беркутов» сейчас в официальном отпуске только пять человек: Ловчак, как и ты, живет в Москве, Гвоздев в Александрове, Касарин в Саратове, Михайлин в Питере.

– А что, из бригады никого нельзя откомандировать?

– В том-то и дело, что нет. Директор нашего Департамента дал начальнику штаба приказ отпусков никому не давать, держать бригаду в состоянии повышенной боевой готовности.

Зенин выпятил нижнюю губу:

– А мы в пониженной когда-нибудь были?

– Ладно, об этом потом. – Майор выдержал паузу. – Ты, Михаил, не обижайся, но предупредить тебя обязан: угова-

ривать тебя, просить и приказывать не имею права. Могу только все рассказать и дать тебе самому выбрать правильное решение. Что бы ты ни выбрал – в обиде не буду и по-человечески пойму.

В глазах бойца спецназа застыло порицание: «Зачем ты так, майор, а? Со мной зачем?»

Он привстал со стула, неотрывно глядя на командира.

– Я назову вам три... нет, четыре причины: Орешин, Аня, Стас и... Безари Расмон. Достаточно для ответа?

Зенин смотрел на Кавлиса, а видел перед собой другого майора, Орешина.

* * *

Был январь 1995, первое число, начало пятого по местному времени. Какой-то идиот командир ввозил своих солдат в Грозный на «ГАЗ-66». Сам, разумеется, в кабине.

– Парад устроил, кретин! – выругался Орешин, глядя в бинокль на чинно двигавшиеся по улице Грозного машины.

Орешин с группой бойцов находился сейчас почти в центре столицы Чечни. В большинстве случаев укрытием спецназовцам служили полуобгоревшие машины, бетонные блоки, а то и просто тела русских парней-мотострелков – кто-то сгоревший, кто-то в лоскуты разорванный снарядами, кто-то изуверски исколотый чеченскими кинжалами.

Вот и сейчас сюда направлялся очередной «герой».

Прочитав в бинокль номера машины, Орешин открытым текстом передал по радиации:

– Эй, мудила под номером 4112! У тебя же под колесами трещат кости трупов! А ну, убирай к чертовой матери солдат из кузова!

– А ты что за хер с горы?! – осведомился командир мотопехоты.

– Родной, не въезжай в город на белом коне, ладно? – мягко попросил Орешин. – Разведка с тобой говорит. Майор Орешин. Считай, что это приказ.

Орешин лежал, опираясь локтями на мертвое тело русского солдата, гимнастерка которого все еще дымилась. Рядом с ним, как всегда, «необкатанный» боец Михаил Зенин.

– Миша, долбани этому мудаку под колеса гранатой, меньше людей погибнет.

Зенин принял положение поудобнее и грохнул перед колесами «газона» из «РПГ-7».

Орешин видел в бинокль перекосившееся от ужаса лицо командира мотострелков. Он что-то кричал, противно кривя губами, но солдаты, не слыша его, самостоятельно начали покидать кузов машины и в считанные секунды распластались под стенами здания. Но все же их действиям, с точки зрения майора Орешина, не хватало темпа. Он как в воду глядел, мысленно поторапливая солдат. Вторая кумулятивная граната, пущенная уже чеченским гранатометчиком, в щепки разнесла кузов и покорежила кабину «газона». Внут-

ри остались командир мотострелков и водитель, они отчаянно пытались выбраться через окна.

Командир группы зачистки уже давно перешел на открытый режим обмена данными, поэтому его слышали не только его боевые товарищи. Но именно его бойцы, Валерий Степин и Владимир Вдовин, из подстволок забросали проем окна гранатами, где укрывался гранатометчик. Третьего залпа не последовало. Начальник моторизированной роты и его водитель благополучно выбрались из машины и присоединились к своим бойцам у стен здания.

– С Новым годом тебя, приятель! – поздравил его Орешин и переключился на закрытый диапазон. – Зачистим, ребята, этот дом, что-то там неспокойно.

Около тридцати человек, словно восставая из мертвых, незамеченные чеченскими боевиками среди трупов россиян, рванулись к двери и окнам на первом этаже.

Сверху – шквал огня. Бетон вторил свисту пуль, дикий свинцовый присвист тут же был подхвачен эхом коридоров полуразрушенного жилого дома. По команде отряд надел противогазы, вверх полетели гранаты с «черемухой». Взяли два этажа и квартиры на них, обезвредили четырех боевиков.

Следующий этаж...

И последний, с которого стрелял в мотострелков гранатометчик. Тут было чисто, две квартиры, окнами выходившие на улицу, были буквально развалены шквалом огня из

«ГП-25» Степина и Вдовина.

Орешин глянул вниз. Пехотинцы вместе с командиром, получившие, видимо, приказ, спешно покидали поле боя. Майор улыбнулся, он слышал, что передал по рации майор-пехотинец Гордеев: «...были обстреляны из гранатометов. В доме напротив – боевая и деловая активность. Своими силами не справимся». Орешин похвалил майора – хоть так он мог увести людей подальше от «деловой активности», от ненужного героизма, даст Бог, пацаны живы останутся.

Вначале он хотел выйти на связь со штабом и подкорректировать доклад майора Гордеева, что, мол, боевая и деловая активность это его, Орешина и бригады, зачистка дома, но передумал. Там, куда докладывал майор Гордеев, ни черта не поняли из его панического выступления, однако команду отвести людей из «места сосредоточия основных чеченских сил» все же дали. А тут он со своим докладом! Майора и этих пацанов с погонами российской армии могут и даже обязательно вернут на место и погонят еще дальше, «умирать с улыбкой на губах». А дальше вообще ад, Орешин со своей бригадой только что оттуда. Нет, делать им там нечего. С другой стороны, по докладу Гордеева сюда могут грохнуть артиллерийские залпы. И так опасно, да еще свои сделают тебя же мишенью.

– Уходим отсюда. – Орешин указал Зенину из окна направо. – Почистим еще один дом, и пора ужинать.

Но вместо ужина было совсем другое, отчего при воспо-

минании об этом у Михаила Зенина желудок выворачивался наизнанку.

Орешин уже дал было команду уходить из очередного «защищенного» здания, как вдруг его взгляд застыл на окне дома напротив. Он взял бинокль и, глотая ком, подступивший к горлу, громко крикнул:

– Снайпера ко мне! Олег! Аносов!

– Здесь я, товарищ майор, – Аносов стоял рядом и уже засылал патрон в свою «старушку» «СВД». К стрельбе он был готов.

– Второй справа дом на той стороне. Седьмое окно пятого этажа.

– Второй... Пятый... – Олег вначале отыскал нужный объект глазами, потом посмотрел на него в оптику. – Вот сука! – Он коротко выдохнул, готовясь произвести выстрел, но Орешин неожиданно остановил его.

– Бесполезно, Олег... Парня все равно не спасем.

«Парня не спасем...» – машинально повторил про себя помертвевшими губами Зенин. Он также смотрел в бинокль, слыша взволнованный голос командира: «второй справа дом... седьмое окно пятого...», но увидел больше, чем подоспевший Олег Аносов.

В проеме окна был распят голый человек, совсем еще юноша, по-видимому, наш, русский солдат. Кто-то оттянул его ноги глубоко в комнату, а человек с зеленой повязкой на лбу быстрыми движениями широкого длинного ножа отсек

ему оба уха, нос; резко опустил клинок книзу, отрезая гени-
талии... Потом так же *натренированно* снизу вверх вспорол
солдату живот. Возле грудной клетки его кинжал остано-
вился, проделывая странные движения по горизонтали... После
этого внутренности солдата упали к его ногам, на подокон-
ник, но что-то еще удерживало их у низа живота. Чеченец
снова воткнул кинжал в свою жертву... На этот раз, цепляясь
за подоконники следующих этажей и оставляя на них кро-
ваво-желтую массу, внутренности солдата упали на залитый
кровью асфальт.

В это время Орешин отдал команду Аносову:

«Бесполезно, Олег... Парня все равно не спасем».

Не спасем...

Дьявольское действо продолжалось.

Чеченец с безгливой и в то же время глумливой улыбкой
отрезал парню голову. Он пилил его шейные позвонки, то
запрокидывая голову жертве, то опуская ее.

Не спасем парня... Что же Олег со своей снайперской вин-
товкой – вот он, рядом, только протяни руку, отдай приказ.
И разве сам Аносов не видит этого зверства?

Михаил с трудом оторвал бинокль от глаз.

Нет, видит. Смотрит в оптический прицел. Но спокоен.
Словно так и надо. Ни один мускул не дергается на лице.
Как будто у человека напрочь отсутствуют желваки. Вот у
Орешина они большие, просто огромные, он катает их по
щекам, как теннисные мячи. Как же так, командир?

А тот продолжает наблюдать, как чеченец, вложив голову парня в его же собственный живот, чем-то пытается скрепить его.

Орешин и Аносов перебрасываются странными словами:

– Проволока.

– Вижу, проволока.

Какая проволока? О чем они?

Михаил Зенин почувствовал свои внутренности у носо-
глотки, его дико вывернуло, казалось, рвота подняла продукты прямой кишки – так отвратителен был ее запах.

Какая проволока?

Михаил задыхался. Какая, к черту, проволока?!

– Новый приступ рвоты донес до него смысл разговора: живот парню зашивали проволокой.

С трудом разгибаясь, Михаил поймал на себе суровый взгляд командира.

– Ты закончил, Миша? – Орешин протянул ему флягу с водой. И к Аносову: – Олег, ты хорошо запомнил этого зверя?

– Да, товарищ майор.

– Возьми его. Только приведи живым. Сюда. Возьми с собой четырех человек и... вот Зенина. Пойдешь, Миша?

Губы Зенина плясали, горло заклинило ненавистью к себе и той мрази. Он только кивнул.

Командир ждал ровно час. Второпях никто не собирался действовать, работали правильно и без эмоций.

Орешин долго, больше двух минут, смотрел в глаза чеченца и не проронил ни слова. Молчал и тот. На лице «нулевое» выражение: «ты можешь застрелить меня, но я вас, русских свиней... а если не я, то мои братья». Его бесполезно было запугивать, таких не запугаешь, хотя Орешин мог сделать это без особых усилий. Про него ходили легенды в спецназе. Однажды в батальон пришел высокий столичный чин с проверкой. Он совал свою генеральскую кокарду куда только мог. Даже в летний умывальник, расположенный на улице. Простоял около него несколько секунд. Оказалось, из крана незаметно капала вода. Зоркий генеральский глаз заметил это, и высокий чин приказал дежурному из сопровождения, чтобы кран немедленно починили. Тот возьми и ляпни:

«Бесполезно, товарищ генерал-полковник! Что только не делали!»

Столичный не поверил своим ушам.

«То есть как это бесполезно?! – рявкнул он. – Эта чья рота? К чьей роте приписан кран?»

«К моей, – навстречу генералу шагнул невысокий человек. – Капитан Орешин».

Генерал малость пообмяк, услышав боевую фамилию.

А кран по-прежнему кап-кап, кап-кап.

Генерал, однако, не успокоился, но уже мягче попросил Орешина:

«Вы все-таки исправьте, капитан».

«Разрешите прямо сейчас, товарищ генерал-полковник? –

И, неожиданно шагнув к умывальнику, заорал на кран: – А ну перестань капать! У тебя что, триппер?!»

И кран вдруг перестал течь.

В чем-то была правдива эта сочиненная кем-то история. Давно сочиненная. А вот сейчас Орешин, глядя на чеченского изверга, не крикнул, не приказал, а только повернулся к своим бойцам и тихо произнес:

– Он ваш.

И отошел к окну.

А для чеченца это был крик из камеры пыток преисподней. Он издал дикий вопль и еще долго вопил, пока бойцы тащили его на второй этаж.

Потом Орешин даже не поинтересовался, как закончилась жизнь этого живодера, он смотрел на противоположную сторону улицы. На седьмое окно пятого этажа. Там были только следы крови. Его бойцы сняли изувеченное тело русского парня, нашли его гимнастерку с документами и, сложив все это в брезент, оставили возле дома. Будут возвращаться назад, захватят с собой. Всех невозможно, все дороги устланы трупами, но этого парня взять обязаны.

Зенин вернул командира в реальность только через полчаса. Он смотрел на него совсем по-иному. Михаил так и не нашел этому определения: по-братски, по-отцовски или еще как-то. Одним словом, по-особому.

– Можно идти, товарищ майор.

– Да, пора двигать, Миша... Невесело встречаем Новый

год, правда? – И посмотрел на бойца грустными глазами.

И Зенин, еще вчера, – нет, *год назад*– «необкатанный» двадцатитрехлетний пацан, а сегодня уже настоящий боец спецгруппы, «чистильщик», в один миг понявший все «преlestи» работы элитного подразделения, маскировавшегося среди остывающих тел своих сверстников, ответил командиру:

– Работа такая.

И неожиданно услышал тихое проклятие, слетевшее с уст «железного» майора:

– Будь она проклята!.. Будь все трижды проклято...

Как же так, майор, а? Как же так? А слезы и кровь, которыми ты умывался? А отпечаток губ, который ты навсегда оставил на дорогом тебе берете?

С возгласом майора Орешина Михаил тогда не разобрался. Однако он видел казнь своего сверстника, невообразимо жестокую, и сам наказал палача. Было в этом что-то противоречивое, но так диктовала логика событий.

Командир Игорь Орешин...

«Будь она проклята!.. Будь все проклято...»

И неожиданно повторил вслед за майором:

– Будь она проклята!

* * *

Зенин, продолжая смотреть на Кавлиса, повторил:

– Достаточно для ответа?

Майор протянул Михаилу руку, и тот крепко пожал ее.

– Вполне. Другого от тебя и не ожидал. Я сейчас тебя вот о чем хочу спросить, Михаил: ты понимаешь, на какой риск мы идем, если даже сумеем собрать отряд в десять человек?

– Понимаю.

– На что идем, понимаешь?

Зенин недовольно покачал головой.

– Не надо, товарищ майор, сватать меня. На работу идем. Все, точка.

– Хорошо. Я тебе все расскажу, но ты готовься съездить в Александров. Женю Ловчака тут, в Москве, найдешь. А я съезжу в Питер и Саратов. Как у тебя с деньгами?

– Наскребу. – Зенин почесал в затылке и в упор посмотрел на майора. – Эх, зря Пичуга из подразделения ушел! Вот бы кто нам пригодился. Лучший разведчик был и горы хорошо знает. Тем более он больше не на службе, птица вольная.

Несколько секунд Кавлис пребывал в раздумье. Подумать ему было над чем. – А ты не знаешь, где он? – наконец спросил майор.

– В Новограде. У него мать год назад умерла, он туда и перебрался. Адреса, к сожалению, не знаю.

– Ничего. Буду в Саратове, заеду в Новоград, у меня там брат работает, с адресом поможет. Пичуга нам бы не помешал.

Они говорили о бывшем бойце спецназа Алексее Ремезе.

Глава четвертая

7

Новоград

Темно-синяя «ГАЗель»-фургон остановилась у бордюрного камня. Открылась дверь, выпуская наружу десять вооруженных человек в камуфлированной форме. Тяжелые ботинки быстро отмерили тротуар и небольшую лестницу. Впереди стеклянные двери трехэтажного универмага «Радуга».

Группа устремилаась между колоннами, а всего их вдоль почти стометрового фасада универмага было ровно двенадцать. Два человека придержали двери, пропуская товарищей в застекленный коридор.

Ранние посетители универмага поспешили уступить военным дорогу, с интересом и безбоязненно проводив их глазами. Кто-то довольно громко заметил: «Налоговая». Потому что именно в таком духе проходят сюжеты по телевидению о работе боевиков налоговой полиции. Глядя через прорези вязаных шапок-масок, они врываются в офис какой-нибудь фирмы, профессионально выкручивая руки сотрудникам, блокируя связь, потроша сейфы и складывая папки с документами и grossбухами в объемистые пакеты.

Эти несколько не отличались от тех, «киношных». Они

уже стремительно проходили второй застекленный коридор.

Слово «налоговая» еще несколько раз прозвучало за эти короткие секунды. Его произнесла продавец попкорна, испуганно вздрогнув при виде головной пары боевиков, блокировавших двойную дверь с надписью «выход»; с ней молча согласилась пожилая дама, покупавшая воздушную кукурузу. Позже это слово, сопровождавшее столь необычную операцию, пронесется в голове охранников на втором этаже. И еще позже оно коснется многих умов.

Пока среди военных нельзя было определить старшего, казалось, что они получают команды по рации. Три человека, проигнорировав эскалатор, устремились к лестнице. Остальные остались на месте. На них неотрывно смотрели десятки глаз продавцов и покупателей. Во взглядах сквозило уважение – не к самим боевикам, а к их оружию, форме, просто к образу. У молодых людей вызывали зависть открытые до локтей мускулистые руки, державшие короткие автоматы; девушек сразило спокойствие и уверенность высоких, сильных парней, маски, скрывавшие лица, были привлекательнее любого слащавого или, наоборот, мужественного лица; фантазия слабого пола отвергла облики Антонио Бандераса или Ди Каприо: под масками должны быть наши, русские лица, простые, однако не те, что спереди, сзади и с боков видятся всегда одинаково – бритым затылком. Все это порождало некий кратковременный, почти неуловимый экстаз. Потому что наши ребята работали вживую, а не под «фанеру» теле-

визионных боевиков.

«Сейчас начнется», – прошептал кто-то. Что начнется, неважно. И плевать на растерянных, униженных в глазах покупателей представителей многочисленных фирм, которые арендовали торговые площади универсама; плевать на их левые бухгалтерии, несогласованные цены и прочие нарушения, главное увидеть, потом рассказать другу или подруге и еще раз представить слаженную работу боевиков. Даже не работу, а просто эпизод, маленький и несвязный – появление в дверях мощных фигур и стремительное вторжение в торговый зал.

Боевики, преодолевая по две ступени, ступили на второй пролет.

Ровно через десять секунд пошла другая группа из четырех человек. Они проделали то же самое, что их товарищи, но те были уже на третьем этаже здания, а четверка, разбившись на два маленьких отряда, работала на втором.

Первая пара с ходу устремилась к отделу «Русское золото», вторая, оставляя справа отдел сувениров, достигла лифта, возле которого на стуле сидел бледный охранник. У него на поясе в кобуре бестолково устроился пистолет «макаров», и он не знал, как распорядиться им: то ли оставить на месте, то ли проявить бдительность и решимость, чтобы потом получить благодарность от начальства. Но до этого он мог получить тяжелым ботинком по голове или, на худой конец, пулю.

В эти короткие мгновения в нем зародилось сомнение: кто эти ребята, которые, отпугивая своей стремительностью и грозным видом немногочисленных посетителей универмага, несутся с автоматами прямо на него. В просматриваемом им коридоре еще два боевика пробежали мимо отдела парфюмерии в направлении секции ювелирных изделий. У этих были точно такие же намерения, он не сомневался в этом.

По правую руку от охранника шла торговля пиратскими компакт-дисками, чуть дальше стеклянные полки с китайскими часами и барахлом в виде дешевой бижутерии. Затем две секции — одна напротив другой, где под стеклом, матово отсвечивая благородным металлом, были выставлены украшения в виде цепочек, колец, богатых сережек и перстней с драгоценными камнями. Там находились еще два охранника: его напарник, вооруженный пистолетом, и здоровый парень, представитель местной спортивной братвы.

Дистанция между охранником и парой в камуфляже сократилась до минимума. На всякий случай он решил встать и потянулся к кобуре. Если эти ребята из налоговой полиции, что было ближе к истине, его быстро успокоят, скорее всего, первым способом, чтобы не дергался, но в этом случае он мог получить поощрение и ему не придется оправдываться перед начальством. Если же это грабители (что было совсем невероятно), всем распорядится судьба. Как бы то ни было, но он решился.

И тут же понял, что ребята наверняка работают в налого-

вой.

Ближайший к нему боевик проигнорировал его вялый жест и круто свернул влево. Второй, легко отрываясь от пола и поджимая опорную ногу, другой ногой нанес ему сокрушительный удар в челюсть. Пока охранник летел к дверям лифта, боевик присоединился к своему товарищу.

Два мощных удара – в пах и височную область, – и второй охранник, не успев воспользоваться своим оружием, упал на пол. Могучий на вид представитель братвы явно растерялся и замер, однако он представлял для боевиков некоторую опасность. Номер второй ударил его ногой в подколенную чашечку и тут же вынес ногу высоко вверх. Голова парня дернулась, и он завалился на бок.

Двое на третьем этаже тоже достигли небольшого отдела, где в витрине были разложены золотые украшения. Третий двигался навстречу охраннику третьего этажа. Когда они сблизились, двое неожиданно отвернули от витрин с золотом, устремившись в служебные помещения рядом с лифтом.

* * *

Бригадир местных спортивных братков Юрий Блинов томился от безделья в своем офисе на втором этаже универсама. Он уже по сто раз испробовал все возможные средства развлечься, вплоть до последнего: выкурил папироску хоро-

шей травки. Затем, гоняя в голове анекдоты про себя, про «нового русского», он дико ржал до слез, удивляясь тупости обладателей последних моделей «БМВ» и шестисотых «мерсов».

Вторая папироса снова вогнала в него скуку и настроила на минорный лад.

Телки надоели, философствовал он. Одно и то же – все вдоль, ни одной поперечной не попало. Мальчики – и это было. Фу, грязь, отвратно! Острова на Тихом и Атлантике были. Лететь только долго, неохота. Да еще ямы воздушные, своими глазами видишь собственный желудок, вылезающий изо рта. Это еще противней, чем мальчики. Морду кому набить – статус уже не тот. Только свистни, нет, только сложи губы дудочкой – и бригада быстрее «Скорой помощи» прибудет на место и набьет. Хотя даже бить не будут: кому надо, сам разобьет свою башку о стену, об асфальт, обо что прикажут, о то и разобьет. Жратва – все уже перепробовал, перепил, перекурил... Здесь, в «Радуге», в этом офисе самое клевое место, чувствуешь свою значимость: внизу этаж с твоими товарами, сверху и по обе стороны ушей. Директор магазина дерьмо, еще ничего толкового не сделал. Чуть что, бежит: «Юрий Иванович!..» Своя братва тоже начинает по имени-отчеству. Новая жена, под потолок ростом, та строго, медленно выворачивая губы, скажет: «Ю-урий». Сорок лет, а, сорок лет! Сам себя только иногда Юрком обзовешь.

Облака приторно-сладкого дыма возвратили его в про-

шное: времена были лучше, радовался первому виду, как первому ребенку, замирал и сжимал кулаки, когда на экране мелькали черные пояса ниндзя, прости Господи... И с затаенным страхом ждал милиции, с трепетом ждал; потом побтерся на нарах в следственном изоляторе... Сейчас страха нет, не ждешь милицию. А если та придет, то просто в гости.

«Че будешь? Какой? Столетней давности не пробовал? А закусывать чем? Обезьяньи яйца подойдут? Ну че косеешь, жри!»

Вот эта официальность, она режет, убивает, в натуре! Все распределили, на ломти поломали. А ведь хочется сесть в *нашу* «шестерку», бережно взять в руки руль – и вперед! Ведь никто не поверит, никто. Ни старая, ни новая жена, ни дети, на которых жалуются телохранители: обзывают-де педерастами. А кто ты есть-то?! Жлоб поганый! Не нравится хватать «зелень» ручищами, иди хватай пастью на лужайке и перхай, падла, перхай!

Уже давно откатила куда-то волна адреналина и застыла вдалеке подобно цунами. Разбежаться бы, нырнуть и долго не выныривать; глотать вязкую жидкость ртом, жадно, с присвистом, всасывать носом. Захмелеть – утонуть – воскреснуть. Появиться в рубище, начать все сначала: купить видик, сжимать кулаки: ха! хо! йя! – и потаенное: ждать и бояться... глотать... умереть... воскреснуть...

Безумство...

Анаша...

Хорошая травка, забористая, заставляет думать. Буквально на днях он угостил косяком знакомого мента, тот вмиг распоясался, осмелел донельзя, с ходу подхватил мысль о дележе, которая не покидала бригадира ни на минуту.

– Все поделено, наломано, согласен. На чужой каравай не разевай. Видишь, твоя полка – лежи. И лежат дела на твоих братков и на тебя на своих полках, а в папках тех все: что, где, когда. Только ведь вас с поличным не возьмешь – вот проблема века. Знаем, а не можем. Да, лежит дерьмо, знаем кто навалил, знаем когда, но улику – поганую бумажку – ты унес с собой. И спроси теперь меня, что делать с кучей дерьма?

– Ну и что с ней делать?

Они смотрели друг на друга обкуренными глазами. Один – авторитет в криминальном мире, второй вообще никто, нахватавшийся слов о полках, делах, и главное – сам весь в дерьме по уши.

– Отвечаю: полежит, заветрит, вонять перестанет. Или грузовик колесом наедет! И размажет! Ну это же мелочь – одна куча, чего из-за нее расстраиваться, вон их сколько! Стоят за твоей дверью; одни и те же разговоры: про джипы, сауны, телок, разбитые морды, отнятые квартиры. Избито? Нет, скажи, избито?

– Пошло.

Шиза...

Крутоплечий охранник, услышав грохот на лестнице, поднес ко рту рацию. Алексей Ремез, неожиданно появившись перед ним, мощным ударом ноги вколотил охранника в помещение напротив и двинул дальше. Кульков и Стаценко приближались по коридору с другой стороны. Костя Печинин и Сергей Шевцов разобрались с охранниками в служебном коридоре на третьем этаже.

Братва знала: если тебя арестовывают, лучше вести себя смирно. Однако телохранители Юрия Блинова не дрогнули. Набывчившись, они решительно загородили единственный проход, ведущий в святая святых бригадира. Это был его магазин, он «держал» его так крепко, что к нему в офис заходили, вытирая ноги еще на первом этаже.

Один из боевиков остановился перед телохранителями, перекидывая автомат за спину. Сложив руки вместе и отведя их в сторону, он изо всей силы ударил охранника в грудь. Почти одновременно второй сложился пополам от сильного удара ногой в солнечное сплетение. Ремез хорошо работал ногами, часами мог сидеть на шпагате с провисом; клал на подъем ноги пудовую гирю и поднимал ее выше груди.

Рядом с телохранителями остался один боевик, а Ремез и присоединившийся к ним Шевцов с Костей Печининым бежали к офису Блинова.

Что там за шум? Бригадир затушил косяк в пепельнице и недовольно покосился на дверь: такое чувство, что бежит стадо жирафов. Интересно, они шеи подогнули?

Топот приблизился, и Юра вздрогнул от неожиданности. Так к нему еще никто не входил: дверь открылась хорошим пинком, как к руководителю местной администрации. Однако он не потерял самообладания.

– Вам кого, братва? Может, дверью ошиблись?

И посмотрел на дверь, валявшуюся возле стола.

– Открой! – голова в черной маске кивнула на сейф, забетонированный в стену.

– Может, присядете сначала? Посидим...

Последний раз Юру Блинова бил отец. Ремнем по заднице. Это было тридцать лет назад... Сейчас его ударили ногой.

Алексей Ремез сдернул бригадира с кожаного дивана, вывернул ему руку и распластал на столе. Грубо ударил по ногам, расставляя их на ширину стола. Коротко и сильно приложился кулаком по почкам. Вдвоем с Костей Печининым они ткнули Блинова лицом в сейф.

– Открой! – повторил Ремез.

Бригадир, морщась от боли, потянулся к кнопкам сейфа.

– Ох, зря, мужики!.. Я же вас каждого зубами порву...

Никто не обратил на его слова внимания. Когда тяжелая

дверь распахнулась, Шевцов и Ремез переглянулись: сейф был пуст. Блинов нервно засмеялся.

Костя уложил его на пол лицом вверх, сдернул чеку с гранаты и подложил ее под спину грузного бригадира – в самое неудобное место, когда ни снизу, ни сверху достать ее невозможно.

* * *

Уходили боевики так же, как и вошли, но не столь быстро, они двигались спина к спине: один, ловко ступая, прикрывал тыл, другой – фронт. На лестнице второго этажа они «оторвались» друг от друга и встретились с товарищами: от секции «Русское золото» по направлению к ним двигалась последняя пара.

– Освободите проход!

Эти слова были адресованы покупателям, столпившимся между лестничным маршем и отделом с прохладительными напитками. Те моментально вжались в прилавок, пропуская команду в камуфляже. Боевики парами, через две двери покинули торговый зал. Последними вышла головная пара, которая за две минуты пятьдесят секунд так и не сдвинулась с места.

Продавцы и посетители, как по команде, бросились к застекленным дверям, провожая глазами... Кого? Хоть кого! Главное, это было дерзко, красиво и быстро.

Водитель, минуя светофор, провел машину через площадку пригородного автовокзала и свернул на дорогу с односторонним движением.

В это время дежурному по городу майору Безгину докладывали, что в универмаге «Радуга» произошло вооруженное ограбление. Майор некоторое время пребывал в растерянности: звонок мог оказаться очередной шуткой. Хотя шутники обычно сообщали о заложенном взрывном устройстве. В «Радуге», пожалуй, самом большом универмаге города, за исключением «Колизея», всегда масса народу, целые толпы, возле ювелирных отделов постоянно находятся опытные вооруженные охранники. На случай непредвиденных обстоятельств, в частности ограбления, у них имеются инструкции: действовать, например, объединившись вместе. У них есть рации, по которым они должны немедленно докладывать о любой чрезвычайной ситуации или о подозрительных действиях того или иного лица, будь то покупатель или кто-то из персонала магазина. Громадного магазина, из которого практически отрезаны все пути к отступлению.

А тут сообщают о групповом вооруженном ограблении. А где были охранники, почему молчали их рации? Тут что-то не так. На всякий случай Безгин исполнил свой долг и распорядился выслать к универмагу оперативную группу.

Оперативники прибыли на место, когда другая группа бросила «ГАЗель» в проходном дворе нежилого дома по улице Красноармейской. Они успели переодеться в маши-

не, Сергей Учайкин, сидевший за рулем, вообще не надевал униформу. Расходились по одному, по два человека в скверном настроении: денег в кассе не оказалось.

* * *

Блинов задыхался от злобы и страха. Он боялся пошевелиться, граната нещадно давила на позвоночник, понятия о времени для него больше не существовало. Ну чего там возятся эти идиоты!

– Эй!.. Скоро?

Два человека, одетые в бесформенные взрывозащитные костюмы производства Канады, о чем-то тихо шептались. Один из них повернул к бригадиру голову.

– Одну минутку.

Блинов вскипел:

– Да я не в магазин пришел! Сука! Я больше не могу. Давай что-то делать. Или взрывай меня, или выпиливай вместе с полом. Ну чего ты смеешься! В таком прикиде и я бы посмеялся.

Костюмы саперов походили больше на скафандры для работы в открытом космосе. Высокие защитные воротники переходили в тяжелые шлемы с подсветкой типа фонарика. Открытыми оставались только кисти рук. Костюмы предохраняли от ударной волны, избыточного давления и осколков.

А на Юре был только модный, «под горлышко», джемпер,

брюки и туфли.

Когда саперы появились на пороге, первое, что они сделали, это попытались просунуть руки под спину пострадавшего, чтобы определить тип взрывного устройства. Однако заплывшая жиром спина бывшего штангиста не позволила сделать этого. К тому же Блинов намеренно давил телом на гранату, чтобы не сработал запал.

Сапер успокоил его:

– Юрий Иванович, значит, сделаем так. Мы уберем стол с пути, освободим проход, потом возьмем вас за руки и по команде...

Блинов округлил глаза.

– Ты чего, братан?! Я до двери буду бежать минут пять! А эта штука через четыре секунды взрывается.

Специалист-пиротехник настаивал на своем.

– Мы предлагаем самый оптимальный вариант. Смотрите, я сейчас продемонстрирую. В этом костюме мои движения скованы, что будет чем-то напоминать вашу комплекцию.

Блинов выругался.

– Ты кто: сапер или комик?

– Я все равно покажу.

– Давай, давай... – Блинов посмотрел на лицедейство сапера. – Короче, мужики, я, в натуре, больше не могу. Давай, дергай, – он поднял руки.

– Я буду громко давать отсчет, – предупредил сапер. – На счет три, где бы вы ни находились в этот момент – в этой ли

комнате или в коридоре, падайте на пол. С ваших слов мы поняли, что взрывное устройство представляет собой гранату «РГД-5». Хочу напомнить вам, что радиус поражения «эргэдэшки» составляет двадцать пять метров.

В универмаге царила тишина, магазин временно закрыли, попросив остаться только свидетелей. Все проходы и коридоры, включая служебные, были блокированы нарядами милиции.

Саперы сдвинули стол в сторону.

– Готовы, Юрий Иванович?

Руки Блинова успели затечь.

– Давай, – разрешил он, мысленно перекрестясь.

Подрывники крепко ухватились за руки бригадира. Переглянувшись, они сильно дернули его за руки, направляя в сторону прохода.

– Раз!

Блинов ударился о стену и чуть было не влетел обратно в комнату. На мгновение он потерял ориентацию. Нет, не сюда, направо. От долгого пребывания в неудобной позе затекли ноги, в районе поясницы Блинов ничего не чувствовал, словно нижняя часть спины отсутствовала и его ногами управлял кто-то другой. Он был готов упасть тут же, но его подстегнул громкий крик:

– Два!

Толкая друг друга, саперы поспешили вслед за бригадиром. Блинов слышал у себя за спиной их горячее дыхание

и неприятное шуршание защитных костюмов. Он успел сделать только один шаг, нерасчетливо длинный, отчего стал заваливаться назад. Пытаясь исправить положение, Блинов начал разворачиваться, чтобы упасть на пол хотя бы боком, а не спиной. И понял, что это ему не удастся.

– Три!

Подрывники дружно бросились на местного авторитета и накрыли его своими телами, ожидая взрыва. Блинов оказался точно в таком же положении, в каком пребывал больше часа.

– Мужики! – прохрипел он. – Мне кажется... она у меня на спине.

– Вам только кажется, Юрий... О черт!

Сапер с трудом просунул руку под спину Блинова и нащупал гранату, которая зацепилась за ворсистый джемпер. Не теряя времени, сапер схватил ее и отбросил в конец коридора. И снова накрыл собой тело бригадира.

Они лежали долго, около двух минут.

Первым подал голос Блинов:

– Братва, может, я пойду, посмотрю, что там с гранатой?

Старший слез с бригадира и подполз к гранате. Рассмотрев ее более внимательно, взял в руки.

– Учебная, – с облегчением сообщил он.

– Ну падлы!.. – Блинов не сказал больше ничего, словно позабыл все слова. Теперь осталась самая малость – найти этих тварей. Желательно быстрее милиции.

Глава пятая

8

Старший следователь по особо важным делам прокуратуры города Новограда Аксенов Дмитрий Иванович лишь к вечеру получил полный список похищенного, составленный представителем фирмы «Русское золото», арендующей торговые площади в ОАО Торговый дом «Радуга», улица Комарова, 38. Список потряс следователя, он на сто процентов был уверен, что его можно смело урезать наполовину. Ювелирная фирма поступила так, как это обычно бывает при хищениях: изъяла часть «уцелевшего» товара, хранившегося где-нибудь на складе, списав его на ЧП. При том, что в секциях преступники ничего не тронули, только унесли содержимое сейфа в офисе Юрия Блинова. Это вопрос второй, им следователь намеревался заняться позже, когда преступники будут пойманы. Вывести на чистую воду ушлых менеджеров и бухгалтеров представлялось делом весьма сомнительным. От следствия те потребуют справку об уголовном деле и спишут заныканное золото. Работа предстояла большая, что и говорить, а сейчас Аксенов почти отсутствующим взглядом смотрел на огромную сумму.

В ассортименте «Русского золота» были цепочки произ-

водства Турции. Похищенными оказались ровно четыреста штук цепочек на сумму девятьсот пятьдесят тысяч рублей, хранящихся в сейфе одного из офисов. Цепочки были разные, вес их колебался от пяти до шестидесяти грамм. Всего похищено было пять с половиной килограмм золота. Беря в расчет нечистоплотность или, лучше сказать, изворотливость руководителей фирмы, Аксенов урезал этот вес до трех килограмм, однако с уверенностью мог сбросить еще кило. Если цены на ювелирные изделия на момент совершения преступления колебались от ста пятидесяти до ста восьмидесяти рублей за грамм, то на черном рынке изделия из золота назывались просто ломом и стоили в три раза дешевле.

Итак, что поимели преступники только с одних цепочек? Сто пятьдесят тысяч рублей. Неплохо. Если добавить к этому остальную, более весомую часть из колец, кулонов, сережек и перстней с драгоценными камнями, сумма, которую можно получить за лом, составит миллион двести тысяч. Новыми. А сумма, представленная ювелирной фирмой, значилась в четыре миллиона.

«Да, загнули ребята», – подумал Аксенов.

Реально было начинать следствие, выходя на скупщиков золота на рынках и в ювелирных мастерских. Рано или поздно драгоценные украшения должны всплыть на поверхность. Однако пройдет время. А сейчас следователя торопят, понукают все кому не лень: и прокурор, которому лично позво-

нил мэр города, и начальник городской налоговой полиции Абрамкин. На последнего Аксенову было глубоко плевать, «но его ребята рвутся в бой».

– С какой стати, Владимир Васильевич? – спросил следователь, принимая Абрамкина у себя в кабинете на Чехова, 39. «Ишь ты, снизошел», – думал Аксенов, с некоторой долей неприязни глядя на упитанное, лоснящееся лицо главного налоговика Новограда.

– То есть? – Абрамкин выгнул бровь. – Работали явно под налоговую полицию.

Следователь моментально согласился с ним.

– Конечно, работа идентичная. Один и тот же почерк.

– Ты не хами! – Абрамкин даже привстал со стула.

Аксенов проигнорировал движения задницы начальника налоговой полиции.

– А ты, Владимир Васильевич, успокойся, – мягко попросил он. – Я тебя еще не вызывал. Ты приехал заступаться за своих ребят – я тебя выслушаю и сделаю определенные выводы. Когда ты или кто-то из вашей команды понадобится мне, я вас вызову повесткой. Или по телефону.

Аксенов говорил вежливо, даже кротко, зная, что именно такой тон мог взорвать агрессивного, нетерпеливого шефа налоговой полиции, и в то же время поставить его на место.

– И еще, дорогой Владимир Васильевич, – продолжал следователь, – не нравятся мне эти пустые хлопоты. За ними мне всегда кажется что-то обманчивое.

– На что ты намекаешь? – грозно спросил Абрамкин.

– На твой визит, – пояснил Аксенов. – Добровольный и совершенно ненужный визит. Я могу истолковать его по-своему: ты вне себя от гнева, когда кто-то там сработал под ваших богатырей. Ведь никто на свете больше так не может! Ан нет, превзошли вас – в большей степени это относится к конечному результату. Кто-то не только толково осуществил, скажем, силовую акцию, но еще и с выгодой. От ваших же акций только шум. И после твоего визита мне больше всего не хотелось бы, чтобы эти ребята, которые штурмом взяли «Радугу», оказались из числа твоих боевиков. Ну никак не хочется, ты уж прости меня.

– Ну... – Абрамкин позеленел от злости. – Ну, спасибо за комплимент, Дмитрий Иванович. – Он понял, что совершил ошибку, приехав к следователю по особо важным делам городской прокуратуры. Теперь пойдут разговоры. Хотя разве не те же пересуды привели его к Аксенову? Ну не обидно ли слышать, как весь город уже болтает о нападении на универмаг банды, действия которой не то что напоминали работу боевиков налоговой полиции, а были совершенно тождественны им. Или идентичны, как сказал следователь. Так говорят сегодня, а завтра можно будет услышать, что это действительно совершили бойцы налоговой полиции. До чего дошли, бандиты!

Именно эти рассуждения привели Абрамкина к следователю, а тот сразу: почерк один и тот же. Это ли не подтвер-

ждение его опасений насчет слухов? Да следователь сам передаст их разговор своей жене, та – соседке; «узнали от источника, пользующегося доверием». Ну разве он не прав?

Хотя... Поступок, конечно, жлобоватый, что и говорить: не по статусу, положению, времени... По всем параметрам жлобский. Абрамкин поправился на «мещанский» и быстро скис.

– Извини, Дмитрий Иванович. – Однако тут же повысил голос: – И все же понять ты меня обязан! И вообще, мне не понравилась твоя фраза о том, что тебе не хочется, чтобы преступники оказались не из числа моих ребят!

– Я понимаю твое недовольство, но против совести пойти не могу. Впрочем... попробую: я был бы рад, Владимир Васильевич, если бы преступники оказались из налоговой полиции. Не из ОМОНа, руководитель которого даже не подумал связать это ограбление со своим отрядом, а именно из твоего ведомства.

Абрамкин, не попрощавшись, вышел из кабинета следователя, хлопнув дверью.

В голове Аксенова пронеслась фраза из какого-то американского фильма: «Кажется, я нажил себе друга».

Помощник следователя Петр Прокопец только покачал головой: «Здорово вы его!» И подумал: вот у кого надо учиться хладнокровию. Затем переключился на работу, от которой его отвлек визит Абрамкина, стал думать о том, откуда у преступников (если предположить, что преступле-

ние совершили не бойцы спецотряда) столько огнестрельного оружия. Судя по заявлениям многочисленных свидетелей, нападавшие были вооружены автоматами Калашникова. Один парень сообщил, что узнал в автоматах десантный вариант с откидным прикладом. Целых десять десантных автоматов.

Естественно, предположений у Петра было множество – купили, например. Ему ли не знать, что сейчас на черном рынке можно купить все, вплоть до гранатомета. На автоматы Калашникова цена недавно была совсем смешная: полторы тысячи долларов за единицу. Сейчас, правда, произошло некоторое подорожание. Почему же не допустить, что преступная группа приобрела оружие на рынке?

Нет, это было бы слишком просто. У Аксенова есть совсем другая версия относительно происхождения автоматов, иначе он не стал бы загружать мозги помощника. Впрочем, он и так загружает: следователь мог бы просто высказать свою версию и дать задание, но он тренирует помощника, в первую очередь заставляет думать, а не сопоставлять, «искать изнанку».

Петр Прокопец совсем недавно начал работать с Аксеновым, до этого он стажировался в прокуратуре Ленинского района города. Во время стажировки путь будущего следователя лежал через площадь Октября – небольшой сквер, окруженный автодорогой. В центре сквера – скульптура Ленина; Владимир Ильич простертой вперед рукой указывает путь. И

был он похож на камень у дороги: налево пойдешь... и так далее. После Прокопец понял, что не зря кощунственно сравнил памятник Ленину с камнем при дороге. Направо от Ленина – медвытрезвитель, налево – областной венерологический диспансер, прямо позади вождя мирового пролетариата областное УВД. Стажировку Прокопец проходил напротив вендиспансера.

За время работы с Аксеновым Петру еще ни разу не приходилось «искать изнанку», все дела были скучно-прямолинейными, будь то убийства, взятки в особо крупных размерах и прочее. Но всякий раз начальник предлагал «вывернуть дело наизнанку».

«Зачем?» – спрашивал помощник. И получал ответ: «Может, пригодится».

И вот сейчас то же самое.

Петр сдался.

– Я ведь все равно не угадаю, Дмитрий Иванович. Скажите.

– Мало думал или не с того начал, – заметил Аксенов, не отрываясь от бумаг на столе.

– А вы-то сами знаете? – упорствовал помощник.

Начальник поднял на него глаза и долго рассматривал, будто впервые.

– Пока нет, – ответил он. – Хотя уверен в одном: ограбления банка «Бизнес-Союз», фирмы «Новоградская» и универмага «Радуга» совершены одной группой. Хотя почерки

разные.

– А что одинаково? Маски? – Петр рискнул перечить шефу надменным голосом. – Если предположить, что действовала одна и та же группа, камуфлированной одеждой она воспользовалась впервые. И вооружение: опять же впервые были использованы автоматы. В других случаях – пистолеты. Что действительно схоже, так это дерзость. Однако ни одно ограбление еще не произошло робко. – Прокопец наивно, но в то же время с превосходством посмотрел на следователя.

– Ладно, Петя, над этим стоит подумать. Утро вечера мудренее. Давай разрядим обстановку и займемся старыми делами. А это отложим до утра, голова гудит.

9

Майор Владимир Кабанов, работавший в региональном Управлении по борьбе с организованной преступностью, ворвался в квартиру на Большой Песчаной и, не говоря ни слова, указал Сергею Шевцову на кухню. Громко захлопнув за ним дверь, он сразу обрушился на него.

– Вы зачем взяли золото из сейфа?!

– Может, ты сначала успокоишься?

– Пошел к чертовой матери! Отвечай на вопрос! Хотите сами засыпаться и меня завалить?

– Я не знаю, о каком золоте ты говоришь.

– Из сейфа, мать твою в душеньку!

– Мы ничего не взяли, сейф был пустой.

– Ушли с пустыми руками, да?

– Да.

Шевцов был на полголовы выше майора, рост – метр восемьдесят семь, вес под сто, внешне он напоминал хоккеиста Владимира Крутова.

Кабанов пощелкал пальцами:

– Дай закурить.

Шевцов приоткрыл дверь:

– Леша, принеси сигаретку.

На пороге выросла фигура Ремеза. Кабанов, недовольно скосив на него глаза, взял предложенную сигарету.

– А, Пичуга! – приветствовал майор. – Ты поставил фингал моему другу Блинову?

Алексей пожад плечами.

– Я не видел.

– Молодцы! А кто гранату ему под хребет подложил, тоже не видел?

– Почему не видел? Костя подложил. Позвать?

Майор долго смотрел в улыбающиеся глаза Ремеза.

– Мужики, ну вы меня убиваете своим спокойствием. Я, конечно, представлял себе, что вы можете натворить, но такого... В общем, так, бродяги, срочно уматывайте из города, пропадайте без вести. Или вам перекроют все пути-выезды. Блинов тоже сидеть сложа руки не будет, он найдет вас быстрее, чем вы думаете. Он мог бы с понятием отнестись

к ограблению, но когда быют таких людей, как он, и даже издеваются, тут же следует наказание. И помочь я вам ничем не смогу. Короче, реализовывайте золото где хотите, только не здесь. Мою долю можете забрать себе. Мне она...

Шевцов перебил Кабанова:

– Володь, я тебе еще раз говорю: не было в сейфе золота.

– Ладно, не было. Значит, Блинов оказался умнее, чем я думал, и расторопнее, несмотря на свои сто тридцать килограмм. Ну, что молчишь, птаха?

Ремез пожал плечами и выразительно поиграл глазами.

Майор встал и, не глядя на Шевцова, протянул ему руку.

– Будь здоров, Серега.

– Один вопрос можно задать?

– Ну?

– Где еще Блинов может хранить деньги?

Кабанов беспомощно опустил на стул, перевел взгляд на Ремеза, потом дальше, за приоткрытую дверь, где видел сидящих на диване людей: все, как один, с короткими волосами и уверенными взглядами. Они смотрели в никуда, будто роботы. В квартире стоял специфический запах перенаселения, как в камере, пахло куревом, потом.

«И что за жизнь у людей?» – в очередной раз подумал майор.

– Дай-ка еще сигаретку, чижики.

Ремез дал прикурить майору и сел напротив него. Подмигнул. Кабанов усмехнулся.

– Жалко мне вас, мужики, вы всю жизнь со смертью играете, подмигиваете ей, жмете ей руку, называете ее на «ты». Вот ты, Леха, самый молодой, наверное, а ведь убивал, правда?

– Было, – подтвердил Ремез.

– Видишь, как просто: было. – Майор надолго замолчал. – Я не могу долго находиться с вами. Деньги деньгами, но всему есть предел. Я больше ни за какие «бабки» не дам вам информацию на братву. Никакую! Они мне – гвоздь в заднице, официально сделать ничего не могу, даже арестовать на три часа...

Кабанов разошелся, в его речи слышались патриотизм и беспомощность, злоба и неверие. Корысть ушла, унося с собой обидное прозвище «наводчик». Однако у него была сотня причин оправдаться – правда, только перед собой, больше не перед кем. Не брал бы он денег от Шевцова – другое дело, а выходило, что выкладывал всю имеющую у него на руках информацию о преступных группировках за «свои кровные». И когда получал от Шевцова деньги, стыдливо бормотал: «Ты же знаешь, мы работаем по преступным группировкам, всегда на чеку, знаем где и что: с кем вчера пил, кого в баню водил. И они знают об этом, играем в открытую. У нас свои люди в их кругу, а на них работают наши – чего уж тут скрывать... Только вот команду сверху никто не дает. Бандиты спокойно относятся к этому, потому что в случае напряга с нашей стороны они узнают об этом загодя. А так все гото-

во. Я ж группу оперативного отдела возглавляю».

А Шевцов, как всегда, ответит:

«Да ты не оправдывайся, бери деньги. Считай, что они хоть как-то наказаны».

Глупейшие слова, это майор понимал. Но не доходил до сути. Это была просто отговорка для того, чтобы он взял свою долю, убрался и желательно очень долго не приставал с расспросами. Кабанов знал, на что, к примеру, он тратит свои деньги, а вот Шевцов со своей бригадой куда? У них скопилась уже внушительная сумма, весьма внушительная. А по виду их никак не скажешь, что ребята богаты: не ездят на джипах, не гуляют в ресторанах, золотых якорных цепей на шеях не носят. Интересы? Черт их знает... Сидят в основном в одной квартире, хотя у каждого есть своя собственная. О чем говорят, послушать бы.

Ремез положил тяжелую руку на плечо Кабанова.

– Слушай, майор, помоги в последний раз, а?

– Ладно, черти.

Майор знал меру. И психанул он сейчас, ворвавшись в квартиру Алексея, манерно. А ему хотелось вместе со всеми посмеяться, вспомнить Блинова, гранату, его полные страха глаза, и штаны, такие же полные. Хорошо они обработали этого борова!

– Ладно, – повторил майор, не забывая оправдываться. – Тут есть и моя вина. Однако по информации моего человека, Блинов держал порядочную сумму у себя в офисе. Это

точно, я же группу оперотдела возглавляю.

– Да ты не оправдывайся, Володь, мы не хуже тебя об этом знаем.

– Сами в постоянном напряге живем, – пожаловался Ремез, – только слов таких не употребляем. Так где Блин деньги зарыл?

– Если у него не будет денег дома, по его звонку их доставят ему в течение десяти минут. Десять минут продержитесь?

– Обязаны.

На прощанье Кабанов пожал руку Шевцову и Ремезу.

– Не дай убить себя, Пичуга, симпатичный ты парень.

10

Открыв дверь своей квартиры, Аксенов в первую очередь встретился с хитрыми глазами своей жены. По идее их можно было назвать просто улыбающимися или искристыми, но у следователя прокуратуры была своя терминология, и он сразу определил, что глаза у Наташки хитрые. А с чего им быть, к примеру, искристыми? Новый год, что ли, или еще какой праздник? Было бы торжество вроде дня рождения, и то лишь с натугой подошло бы одно из лучезарных определений. И он в лоб спросил:

– Ты чего такая хитрая?

– Что, уже знаешь? – Глаза жены вдруг потухли, стали

обыденными, привычными.

Аксенов понял, что обидел жену. Осталось выяснить только причину.

– Нет, я только что родился на свет.

– Никакой интриги в жизни, – вздохнула Наталья и, повернувшись, сухо бросила через плечо: – К нам Николай приехал.

– Какой Николай? – Не снимая ботинок, Аксенов шагнул в комнату.

За столом, накрытым, как на праздник, сидел его двоюродный брат Колька Кавлис. Это была не новость, это землетрясение: Николай всего пять раз, если Аксенову не изменила память, приезжал к ним в гости. И то на несколько часов: здорово – здорово, молчание, облака дыма, до свидания – до свидания.

– Николай! – Аксенов долго, как на официальной церемонии, жал руку брата. – Вот это неожиданность!

– Здравствуй, Дима.

И все. Дмитрий, если честно, был бы рад услышать от брата даже «Как ты постарел!» или более поэтичное: «Да... годы...» Нет, стоит, улыбается, молчит.

А может, он всегда был такой? Рос тихоней, молчуном; вырос – тоже слова не вытянешь. Окончил военное училище, его дома ждут, а он пропал, потом письмо из трех предложений: не ждите, я там-то. Тетя Зина поехала к нему: «Сынок, как же так?..» Он в ответ два слова: «Все нормально, мать».

И чем дальше, тем хуже. Мать трясется за него, едет за тысячу километров к племяннику: «Дим, может, поговоришь, сюда его переведут, в *нормальную* часть?» – «Да бесполезно, тетя Зин! Даже заикаться не буду». Наконец три года назад, за которые тетка иссохла вся, переживая за взрослого уже сына, очередная «весточка от сыночка»: «Мам, пап, знаете, где северный полярный круг? Я там, в Заполярье!» Слава Богу...

Дмитрий посмотрел на коротко остриженную голову брата, обветренные губы, огрубевшие за три года на Севере руки.

– По делам или в гости? – спросил он, присаживаясь за стол.

– Скорее по делам.

– Ну да, просто так приехать не можешь.

– Знаешь же, где работаю.

– По делам мог зайти ко мне на работу. – Дмитрий испытал брата суровым взглядом, заодно прикидывая, обидится он или нет.

Не обиделся. Сразу приступил к делу.

– Поможешь одного человека найти?

– Только одного? Это для меня тьфу! Я сейчас целую группу разыскиваю. Фамилия есть у человека?

– Ремез Алексей Алексеевич.

– Тебе прямо сейчас?

– А можешь?

– Ха! – Аксенов принялся крутить диск. Наталья за его спиной делала точно такие же движения, показывая Николаю на своего мужа: совсем, мол, свихнулся со своей работой, не обращай внимания. Кавлис подмигнул ей: все нормально, я не обижаюсь.

Пока они семафорили друг другу, Аксенов уже заносил в чистый лист бумаги данные на Алексея Алексеевича Ремеза.

– Держи, братан. Живет твой приятель на Большой Песчаной. Тут дом, квартира, номер телефона. Незнание хотя бы одной цифры не освобождает тебя от ответственности... Понял? Можешь сразу и позвонить. Он кто, твой сослуживец?

Николай кивнул, набирая номер телефона Ремеза.

Трубку никто не брал.

* * *

Братья в этот вечер как следует приложились к бутылке. Николай, сам того не замечая, разоткровенничался, рассказал про Орешина. А Дмитрий после этого разговора долго не мог заснуть. Вместе с буйным хмелем в голове бродили удручающие мысли; иногда они где-то застревали, и тогда Аксенов по-молодецки зазывал их: «Эй вы, мысли мои, скакуны!» А когда они не хотели отзываться на голос хозяина, он пьяно дразнил их: «Эх вы, мысли, как хрен повисли!»

А вообще Дмитрия задела откровения Николая: друг значил для него больше, чем брат. Что ж, для Кольки это имен-

но так. Он сам выбрал себе даже не дорогу, а тропу, которая последние годы называлась медвежьей, вот пусть и топает по ней. Топает, зная, что впереди зыбкое болото; сам утонет и других за собой потянет. Того же ремеза-птаху, которого Аксенов в глаза не видел, но ему уже было жаль его. Нет, это не пьяные мысли, совсем не пьяные. А Колька – он... отрезанный ломоть, вот он кто. Никому не нужен, даже самому себе: ни жены, ни детей, ни плетей. Или еще складнее: Николай – ни кола и ни двора. Бирюк бирюком.

А если кто спросит: «Кто твой брат, расскажи о нем?» – что ответить? В голове только анкетные данные:

Кавлис Николай Александрович родился в 1968 году в городе Великие Луки, майор войск специального назначения, награжден орденом «За заслуги перед Отечеством 2-й степени», медалями. Окончил Рязанское воздушно-десантное командное училище. В 1990 году вошел в состав спецгруппы при Министерстве безопасности. Владеет всеми видами стрелкового оружия, специалист по холодному оружию, владеет приемами рукопашного боя. Холост.

Дмитрий нетрезво хохотнул: конечно, холост. В связях, срамящих репутацию холостяка, замечен не был. И характер. О! – северо-нордический. Заполярный. Тайно посещает любовницу, Снежную Королеву, обливается студеной водой из ковша Большой Медведицы. Что еще... Ах да: звезд с неба не хватает, довольствуется своим микросозвездием на погонах.

Аксенов встал, шатаясь доплелся до кухни, напился воды

из-под крана и снова лег в постель. Глаза в потолок. А там написано: ДРУГ – БОЛЬШЕ, ЧЕМ БРАТ.

Нет, Колян, ты задел меня. Он, зараза, словно на что-то намекает. Нечего намекать, скажи прямо – и весь разговор. Боишься, что не пойму? Могу и не понять, раз никогда не было настоящего друга.

Аксенов растолкал жену и пьяно зашептал ей на ухо:

– Наташ, а может, переизбрать Кольку?

Она недовольно повернула к нему голову.

– Ты чего городишь? Куда переизбрать?

– Не куда, а в кого. В друга. Из брата в друга.

– Спи.

– Я серьезно. Взять и переизбрать. – Дмитрий обнял жену под одеялом и задышал на нее водочным перегаром. – Эх, Наташка... Вот сейчас Колька приехал, а у меня нет к нему братских чувств. А поговорил с ним, появились другие. Я его потерял как брата, но нашел...

Наталья двинула его локтем.

– Ты будешь спать или нет? Никому покоя не даешь!

– Принеси водички, а?

– О Господи... – Жена отбросила одеяло и пошла на кухню.

– Наташ!

– Да не кричи ты! Иду. – Она подошла к кровати и протянула мужу стакан с водой. – На, пей.

Аксенов в два глотка осушил стакан. Облизывая губы,

продолжил:

– Я у него спрашиваю: «И что за жизнь у вас такая?» Он отвечает: «Жизнь нормальная: год за два, харчи казенные». И вдруг я понял, почему год за два.

– Понял, да? – Жена зло зыркнула на него. – Молодец, завтра расскажешь. А сейчас спи.

Но Дмитрий никак не унимался.

– А помнишь, мы дочке рассказывали, что ее дядя геологом работает? Приехал геолог!

11

Костя Печинин стоял в начале улицы Чкалова и останавливал машину. У его ног находилась огромная коробка из-под телевизора «SONY». «HiBlack Trinitron 29» было написано на ней. Вместо телевизора внутри лежали камуфлированные костюмы, жилеты и автоматы «клин-2».

Повернувшая с Краснодарского проспекта «Волга» прижалась к обочине. Водитель сам проявил инициативу.

– Тебе куда, парень?

– Извини, мужик, мне грузовая нужна.

– Да уместим, не бойся.

– У меня еще есть груз, так что извини.

«Волга» отъехала. Почти тут же, освещая ближним светом пространство, рядом притормозила долгожданная «ГАЗель», удобная машина для отряда в десять человек.

– Куда?

– Недалеко, вниз по Чкалова. Поможешь?

Водитель откинул край тента, взялся за коробку и вдвоем с Печининым поднял ее в кузов.

В салоне водитель потянулся к ключу зажигания. Костя остановил его:

– Погоди.

С двух сторон улицы к машине устремились несколько человек. В кузове раздался шум, машину несколько раз качнуло.

Водитель перевел взгляд на пассажира. Тот уже достал из-под куртки короткий автомат.

– Понял, – хозяин «ГАЗели» тяжело сглотнул.

– Слушай меня внимательно, мужик, так же внимательно ты выслушаешь того, кто займет мое место.

Появился Сергей Шевцов, переодетый в камуфляж. Водитель не успел разглядеть его лица, поскольку тот коротко приказал:

– Смотреть только вперед! Поехали.

* * *

Огромный дом Юрия Блинова светился в ночи всеми окнами. Над одной из каминных труб, несмотря на теплую погоду, вился дымок. На припозднившихся прохожих лаяли две огромные овчарки, свободно бегавшие по просторному

двору и время от времени поднимавшие лапы на колеса крутых иномарок. Возле двери, над которой в два света высились арочные окна, стояли два охранника.

Блинов уже выпил бутылку «Финской», однако не захмелел. Не смея поднять на него глаза, в громадном зале сидела почти вся бригада, был здесь и самый близкий приятель и помощник Сеня Монах. Он сочувствовал другу, тем не менее с советами не лез – не время.

«Залетных» искали весь день, обшарили каждую гостиницу, каждый дом, где сдавались комнаты. Коллеги-бригадиры сочувствовали и все же в упор не хотели принимать на себя кручину Блинова; идеальный вариант для них – чтобы Блин подорвался на гранате. Тогда можно было бы поспорить за шикарные площади универмага, по-деловому потолковать с Монахом, преемником Блинова. За него не было бы базара, собрали бы жуликов, почирикали, развели концы. Граната оказалась учебной, а «залетных» после неудачной попытки ограбления, наверное, уже и след простыл. Работали дерзко, умно, значит, и меру должны знать.

Этого мнения, высказанного на сходке, придерживался и сам Блинов, хотя злость душила, как жаба, и именно потому, что они ушли. От ментов прыти не дождешься, землю рыть будут в одном месте, огромную яму выкопают. Затем заведут будильник и по звонку закопают ее. Потому как по большому счету дело связано с криминальной структурой. Они уже там зубоскалят. И даже свои братки втихую посмеиваются –

не видел, но чувствовал Блинов. А на нем позор, из слова «авторитет» выбили, как передний зуб во рту, одну букву, самую рокочущую, теперь грозный ранг стал картавым.

Вот твари! Скорее всего, это ментовские гнилые прокладки, их почерк.

Блинов проглотил еще полстакана водки и свирепо оглянулся на открытое окно.

– Чего они там разлаялись?! Вован, иди, крикни на них.

– А толку-то? – Блиновский боевик нехотя поднялся с удобного кресла, пряча злобный взгляд: его при всей братве послали кричать на собак! Он что, крайний, чтобы на нем злость срывать? – Там прохожие ходят, собаки так и будут лаять.

– Ну встань на дороге и гони прохожих, в натуре! Колян, идите вдвоем. Ну что, сука, за день сегодня! С утра маскарад устроили, к вечеру концерт. Только карнавала на ночь не хватает.

Блинов снова повернулся к окну. Собаки во дворе замолкли.

* * *

Печинин и Ремез обошли особняк бригадира слева, Стоценко и Кульков – справа, остальные пять человек, за исключением Сергея Учайкина, который остался с водителем в машине, расположились позади дома. У них было два-три часа,

чтобы еще засветло познакомиться с местностью и соответственно подготовиться.

В руках Костя держал «пугало» – фермерский пистолет «тузик» с длинным гладким стволом, заряженный шприцевым зарядом с подпружинным поршнем, который срабатывал при попадании и вводил усыпительную смесь. Дальность стрельбы шприцем составляла сорок пять метров. Вместо глушителя Костя приспособил на ствол полторалитровую бутылку из-под воды. В карманах – сигнальные и фермерские оборонительные патроны с резиновыми пулями, входящими в комплект.

– Шумни, Птаха. – Костя просунул громоздкое сооружение между металлическим штакетником.

Ремез поднял с земли камень и швырнул его во двор. Собачий лай, доносившийся с другой стороны дома, стал приближаться. А вот и они – два красивых пса, огибавших угол дома. Пробежав десяток метров, овчарки остановились, прислушиваясь.

Костя придавил спусковой крючок. Пистолет глухо отозвался коротким ворчливым звуком с небольшим эффектом эха. И сразу вслед за ним раздалось непродолжительное жалобное подвывание пса. Стрелок откинул ствол вперед и вниз, вложив в патронник очередной заряд. Еще один выстрел. Вторая собака, качнувшись сначала в одну сторону, потом в другую, опустилась на землю.

– Пошли.

Они перемахнули через забор и прижались к стене. Две секунды паузы, и оба переместились ближе к углу здания.

Костя предостерегающе поднял руку и прислушался, показал два пальца. Ремез приготовился. Шаги двух человек приближались, слышалось невнятное бормотание одного, затем так же тихо отозвался другой. Оба плавно завернули за угол.

Почти синхронно Печинин и Ремез проделали один и тот же прием: захват руками под затылок и по два тяжелых удара коленом в солнечное сплетение. Боевики Блинова с натугой хватанули воздух. Теперь отключить на двадцать-тридцать минут. Аккуратно прицелившись, Костя тыльной стороной кулака ударил боевика под ухо. У Алексея был другой способ, он еще пару раз приложился коленом к своему сопернику, который, вздохнув, так и не смог выдохнуть.

Они снова заняли свое место и стали вслушиваться. Через пять-шесть секунд Костя выглянул за угол. Охранники стояли почти вплотную к двери, их тела наполовину скрывали кирпичные выступы парадного. Он кивнул Ремезу: пошли.

Они смело вышли из-за угла и тихо повели беседу. Их ровные невнятные голоса долетели до ушей охранников, те даже не шелохнулись. Когда рядом с ними неожиданно выросли две высокие фигуры в масках, предпринять что-либо было уже поздно.

Ремез был намного здоровее любого из блиновской охраны, поэтому он смело пошел на сближение, ударив охранни-

ка ногой в пах. Когда тот согнулся, Алексей захватил его затылок руками и сильно ударил коленом в лицо. Потом еще раз, отпуская руки. Охранник, ударившись головой о кирпичную кладку, медленно сполз на землю.

Костя работал с большим шумом, долбя соперника кулаками. Хотя так же сильно.

С левой и правой стороны дома подтягивались остальные. Шевцов, взяв автомат на изготовку, приготовился. Дав отсчет, он первым ворвался в особняк Блинова.

* * *

За дверью снова раздался грохот, как утром в офисе. «Ну что за...» Блинов даже не успел выругаться, как в просторную комнату ворвались вооруженные люди. Точь-в-точь утренние гости.

Из всей бригады только Рябушкин проявил инициативу, пытаясь вытащить из наплечной кобуры короткий двухзарядный «дерринджер», но тут же получил в лоб резиновой пулей из «тузика». В голове померкло, однако Рябушкин все же сообразил, что следующий выстрел будет произведен настоящей пулей из «клина». Он расслабился.

– Всем на пол! Руки за голову! Быстро! – Шевцов поторопил одного из боевиков ударом ноги.

Остальные рассредоточились по комнате, стараясь держаться подальше от окон, беря братву на прицел.

Ремез подошел к неподвижно сидевшему Блинову, единственному, кто не выполнил приказа Шевцова, и передал ему телефон со столика. Рядом оказался Костя. Он снова переломил «тузик» и на глазах у бригадира зарядил его шприцем.

Слово взял Ремез:

– Пугать тебя никто не собирается. – Он кивнул на Костю. – Но ты должен запомнить, что эта штука заряжена ядом типа кураре. Таким составом усыпляют собак на живодерне. Я могу притащить сюда твоих псов, чтобы ты своими глазами увидел действие яда. Смерть тяжелая, через столбняк, противоядия не существует.

– Чего вы хотите, мужики? – прохрипел Блинов. Он явно недооценил утренних посетителей. Нет, ему в голову не могло прийти, что они снова могут «наехать». Тем более в его собственном доме. Кто же они такие? Кто бы ни были, однако настроены решительно. Причем круглосуточно. Они запросто могут всадить в него дозу яда.

– Чего вы хотите, а? – повторил он уже с дрожью в голосе.

– Звони своему казначею, – потребовал Ремез. – Скажешь, что тебе в течение десяти-пятнадцати минут понадобятся деньги. Все. Одно лишнее слово – и тебя усыпят навсегда. Только не вздумай шутить, набери номер Яши. Если я увижу, что ты набираешь другие цифры, для начала я ударю тебя. Потом тебе сделают укол. Как ты понимаешь, терять нам нечего.

– Мужики...

– Мне ударить тебя?! – Над бригадиром нависла тяжелая фигура Ремеза.

Блинов скрипнул зубами и взял трубку. Набирая номер телефона своего казначея, он бросал короткие взгляды на внушительный ствол «пугала».

– Яша? Мне нужны бабки. Да, как можно быстрее. – Блинов повесил трубку.

Яков никогда не задавал лишних вопросов, нужно – значит нужно. Он сказал «о'кей» и нажал на клавишу отбоя, услышав короткие гудки.

Охранников у парадного убрали, за дверями по-прежнему стояли Кульков и Стоценко. Боевиков обыскали и, отобрав у них сотовые телефоны, согнали в большой подвал дома с солидной металлической дверью.

Якова встретил Костя Печинин и Ремез.

Казначей, отдавая спортивную сумку с деньгами, горько произнес:

– Я знал, что здесь что-то нечисто. Мне куда?

– В подвал.

Шевцов несколько секунд пристально смотрел на бригадира, затем кивнул Печинину: «Давай».

– Э, э, мужики! – Блинов закрылся руками, и шприц угодил бригадиру в живот. Посмотрев на него, он перевел мутнеющий взгляд на Шевцова и уронил голову на грудь.

– Спокойной ночи. Уходим.

Ровно в одиннадцать часов вечера майор Кабанов, не выдержав томительного ожидания, отправился на Большую Песчаную. Своим ключом открыл дверь и осмотрелся. Форточки открыты, но в комнате еще витает специфический дух то ли одиночества, то ли, наоборот, скученности, кто его разберет. В квартире чисто, полы вымыты, ни одного намека на то, что недавно здесь находилось одиннадцать человек. Ощущение такое, будто они навсегда покинули этот дом. Взгляд майора скользнул по поверхности стола, словно ища прощальную записку.

Никакой записки, конечно, они не оставят и придут обязательно.

Бог мой, что они сейчас творят у Блинова!..

Кабанова передернуло. Он представил себе позеленевшее лицо бригадира, его глаза, полные страха, губы, которым приказано не дрожать и говорить четко: «Яков, мне срочно нужны деньги. Все. Жду». И снова глаза, спрашивающие: «Ну как?» – и лютая злоба, притаившаяся в них.

А ты как хотел? Дошла и до тебя очередь.

«Нет, – думал майор, – я поступил правильно». И вот «псы» сорвались с цепей, и их уже ничто не остановит. А при случае можно напомнить: «Ты еще не забыл тех ребят, которые били твою поганую морду?» И при этом забыть о день-

гах, не вспоминать про них никогда, потому что это особый случай.

В прихожей мягко щелкнул дверной замок.

Ну, слава Богу, пришли.

Костя Печинин заглянул в комнату.

– Здесь майор, – сообщил он.

Вслед за ним вошел Шевцов.

Кабанову хотелось спросить: «Ну, как дела?» – потому что на бесстрастных лицах невозможно было прочесть ничего; точно такими же он видел их днем, после крупной неудачи. А Птаха-Ремез тогда вообще улыбался.

А вот и он. Майор, дивясь на себя, встретил Ремеза теплее, чем, к примеру, брата.

– Привет, Пичуга. Как дела?

Неожиданно Алексей взял майора за плечи и, глядя ему в глаза, тихо, по слогам, пропел:

– Шу-мел ка-мыш, де-ревь-я-а гну-у-лись, а но-о-чка те-ом-на-я-а бы-ла. Нормально, майор. Выражаем тебе благодарность.

– А как насчет поделиться?

– Все отобрали пацаны, которые курят в открытую. – Ремез раскрыл спортивную сумку и вывалил на стол килограммы долларов. – Давай адрес, где зараз можно потратить все деньги.

Глава шестая

13

Утром следующего дня дежурный сообщил Аксенову, что его дожидается гражданка Хмелева. В коридоре возле своего кабинета следователь увидел миниатюрную девушку. Вначале он определил ее возраст в 14 – 15 лет, взглядевшись внимательней, понял, что ошибся лет на пять-шесть. Когда она поздоровалась с ним щемящим тонким голоском, следователь не сумел сдержать улыбки.

– Сколько вам лет? – Он подумал, что мог задать этот вопрос в иной форме: «Который вам годик?»

– Меня всегда об этом спрашивают, – пропищала девушка. – Я привыкла. А в одной фирме даже не приняли на работу, несмотря на то что мне девятнадцать. Вот паспорт.

Аксенов предложил ей сесть и раскрыл документ. Хмелева Людмила Ивановна, 1979 года рождения. Жаль, подумал он, что в паспорте не отмечают рост. Определенно, она не выше Пахмутовой.

– Слушаю вас, Людмила Ивановна.

– Вы нарочно называли меня по отчеству? – вздохнула она. – Ну ладно, называйте. Вчера я была в универмаге «Радуга». Ну не в самом магазине, а в вестибюле, там проявля-

ют пленки фирмы «Кодак», печатают фотографии, продают всякую фотопродукцию. Я только недавно начала снимать, заряжать пленку всегда отдаю в «Кодак», боюсь засветить. За это денег с меня не берут. Только улыбаются, как вы. В общем, когда все это началось вчера утром, пленку мне успели зарядить, и я сделала три снимка.

– Вы очень поможете следствию, если передадите их нам. – Аксенов изобразил на лице благодарность. Вряд ли он увидит на снимках что-то существенное, преступники были в масках, в одинаковой одежде, и все же.

– Я помогу следствию, – деловито подхватила гражданка Хмелева и полезла в сумочку. – Вот, пожалуйста... Ой, это не то. Это мои кошки, у меня их три. Они все понимают. Вчера, например, я говорю им: «Ну вот, кажется, обед готов», – и они тут же подбежали ко мне.

Аксенов едва не рассмеялся, слушая болтовню девушки, и все больше не верил, что ей девятнадцать, может, паспорт выдали ей по ошибке?

Наконец она протянула ему три фотографии.

– Вот здесь сразу четыре человека, видите? – Хмелева перегнулась через стол, показывая пальцем. – А на этой только два. Один, как мне показалось, смотрит на меня. Я чуть не села! А здесь я снимала через уличное стекло, видите lens flare?

– Что? – Аксенов внимательно рассматривал фотографию, на которой была запечатлена темно-синяя «ГАЗель» и

три человека у раскрытой задней дверцы. – Что вы сказали?

– Lens flare, блики на стекле от солнца.

– Это по-английски?

– Да.

– Лэнз флейр, – протянул Аксенов. – Ну что ж, Людмила Ивановна, большое вам спасибо. Вы нам помогли.

– Не знаю, – Хмелева пожалла острыми плечиками. – Вам виднее. Жаль, конечно, что лиц на фотографии не видно. Самая ценная деталь, на мой взгляд, это машина. А боевики все одинаковые, как роботы: рост, комплекция.

– Комментарии к фотографиям?

– No comments. Так я пошла? Пропуск нигде не надо под-
писывать?

От двери она улыбнулась Аксенову и вышла из кабинета. Через пару секунд дверь снова открылась, пропуская Прокопца.

– Кто эта девочка? – спросил помощник.

– О черт! Петро, догони ее, отдай паспорт.

Прокопец отсутствовал минут пять.

– Где тебя носит? – недовольно спросил Аксенов и перенес гнев на вчерашнего свидетеля. – Хотел бы я посмотреть на того знатока стрелкового оружия, который опознал в руках преступников вариант десантного автомата Калашникова. На, смотри, где ты видишь такой? – Аксенов разложил перед помощником фотографии. – Больше смахивает на израильский «узи».

Прокопец с шумом подвинул стул.

– Да, действительно. Мне проконсультироваться насчет этого вида оружия или вы сами?

– Давай ты. Я прогуляюсь по «Радуге».

14

В десять утра Аксенов входил в универмаг. Когда беседуешь с людьми во второй, третий раз, всегда узнаешь что-то новое, порой весьма ценное. Следователь остановился. Вот здесь, слева и справа от него, вчера стояли два человека. Расследование продолжалось уже второй день, а Аксенов так и не знал, как называть преступников. В разговорах с помощником и оперативниками из милиции, которые вошли в состав следственной группы, он ни разу не назвал их бандитами. «Язык не поворачивается», – признавался себе советник юстиции. То же самое, наверное, происходило и с Прокопцом. Во всяком случае, Аксенов не слышал от помощника слова «бандиты». «А может, он прислушивается ко мне и как бы контролирует себя?» Вряд ли; значит, над ним тоже что-то незримо довлеет. Некое уважение к преступникам, что ли? Маловероятно.

Понять бы почему, рассуждал следователь. Он с удовольствием выпил стакан ледяной кока-колы. Голова после вчерашнего вечера болела и отзывалась медной пустотой. Он посмотрел на лестницу. «Освободите проход!» Аксенов

вплотную приблизился к прилавку. Примерно так повели себя посетители универмага, стоя возле отдела с прохладительными напитками. Он мысленно проводил взглядом боевую группу.

«Что это мне дало?» – спросил он себя. Пока ничего.

Следователь бросил пустой стаканчик в контейнер и ступенька за ступенькой стал преодолевать лестничный марш: четыре... десять... шестнадцать – один пролет; шесть... восемь... двенадцать – второй. Понять и, может быть, приблизиться к истине, продолжил он размышления. Нет, «истина» – звучит напыщенно и в то же время как-то дешево, в данном случае ценности в ней маловато, как в простенькой бижутерии. Хотя смотрится, что и говорить. Издалека смотрится.

Остановившись у прилавка с бижутерией, Аксенов поздоровался с продавщицей. Она ответила на приветствие и на всякий случай улыбнулась. «Сейчас будет думать, откуда она меня знает. Не вспомнит, конечно, и решит, что я «гнилой интеллигент».

Вспоминая разговор с Людмилой Хмелевой, следователь отметил, что девушка предпочла говорить о преступниках как о боевиках: «Все одинаковые: рост, комплекция». Скорее всего, они произвели впечатление на окружающих, действуя не так, как бандиты в общепринятом понимании этого слова. Лишь после того как по магазину пронеслась весть о вооруженном ограблении, открылась их сущность. Но хорошее впечатление осталось в подсознании окружающих. И

уходили они, по рассказам очевидцев, красиво: спина к спине, один пятится, прикрывая тыл, другой... И для многих стали более симпатичны. Явно профи. Прошли или проходят «обкатку». Где?

Аксенов остановился у секции с сувенирами. Вот здесь они бежали, два человека, два боевика. Охранник рассказывал, как ближний к нему боевик не обратил на него никакого внимания. «Хотя позиция для удара у него была выгодной. А я уже пистолет наполовину вытащил!» Рембо. А вот второй отключил его одним ударом минут на десять. При этом боевики не перекинулись ни словом, значит, все действия были строго расписаны, тщательно изучены малейшие детали операции, где каждый делал только свое дело и был уверен в товарище.

К следователю подошла продавщица. Аксенов предположил, что сейчас она произнесет сакраментальное: «Я могу вам помочь?» Когда ему задавали подобные вопросы, он отчего-то смущался и старался поскорее покинуть торговую точку, если даже ему необходимо было сделать покупку. Вежливо прогоняли одной фразой. Дико, что кто-то чувствует себя ущемленным, когда ему предлагают профессиональную помощь в выборе того или иного товара; стыдно за свое смущение, а иногда за свой нарочито сосредоточенный взгляд поверх головы продавца и излишне уверенный собственный голос: «Нет, не нужно, я сам». Конечно, сам. Интересно, а сами продавцы смущаются в подобных ситуациях?

Аксенов опередил девушку:

– Извините, вы можете мне помочь?

– Я?.. – На ее лице появилась улыбка, девушка искреннее удивилась. – Да... А что вас интересует?

Точно смутилась. Одна кровь. Два сапога...

– Вот эти игральные карты – они пластиковые?

– Нет, обычные.

– Я возьму их. Платить в кассу?

– Да, пожалуйста.

Зачем мне карты? – думал Аксенов, выбивая в кассу пять рублей пятьдесят копеек. Поэкспериментировал на пять с полтиной. Хотя он знал, что если бы попросил помощи и ничего не купил, обидел. Букет комплексов.

Он достал удостоверение.

– Девушка, вы работали в день ограбления магазина?

– Да, но во вторую смену. Так что помочь вам ничем не смогу.

Аксенов поблагодарил ее и пошел дальше.

Вот лифт, тут один из боевиков долбанул охранника. Бедняга летел, наверное, метра четыре. Фраза получилась ироничной, комично-сочувствующей, следовательно снова невольно симпатизировал преступникам, хотя не имел на это права.

Он подошел к секции с китайско-турецкими безделушками и покосился на двух молоденьких продавщиц. Подойдут – опережу.

Наверное, у него все было написано на лице. Одна девушка чуть склонила голову.

– Я могу вам помочь?

Аксенов улыбнулся.

– Можете. Вчера вы работали в первую смену?

Приветливое выражение с лица продавщицы исчезло. Она переглянулась с подругой.

Следователь показал ей удостоверение.

– Да, работала. Но я уже давала показания.

Судя по ответу, оперы беседовали с ней сухо.

– Вас зовут Светлана?

– Да, – девушка машинально поправила на груди фирменную пластиковую карточку торгового дома «Радуга», на которой была ее фотография, фамилия, имя, отчество и номер отдела, в котором она работала.

– Скажите, Света, вы ничего необычного не заметили в действиях преступников?

Она ответила не задумываясь:

– Нет. Они очень быстро работали.

«Работали... Не грабили. Не чистили. Не «ставили». А работали. Еще одно частное мнение – гладкое и симпатичное. Стена из облицовочного кирпича».

– Что вы подразумеваете под словом «работа»? Ограбление?

– Извините, я не так выразилась.

«Да нет, именно так».

– А до ограбления ничего подозрительного не замечали? Ваш отдел почти вплотную примыкает к служебному помещению. Понимаете? Отсюда, с этого места, где я стою, очень удобно наблюдать. Может, кто-то вам запомнился? Покупал что-то незначительное несколько раз, заговаривал с вами, пытался познакомиться? Вспомните, Света.

Девушка снова переглянулась с подругой.

«А вот тут я оказался прав, – подумал Аксенов. – Девочка наверняка что-то знает».

– Это был молодой человек? – Он отметил явную растерянность на лице девушки.

Ответила она не сразу.

– Может, это совсем не он. Просто подходил несколько раз.

– А как его зовут?

– Он не представился.

– Ну хорошо. А внешность его запомнили?

– Даже не знаю... Нет, я просто уверена, что он тут ни при чем. – В ее голосе прозвучала горячность. – Почему я должна подставлять порядочного человека?

Слава Богу, первое «порядочное» слово: «подставить».

Рядом остановилась молодая пара и стала прислушиваться к разговору.

– Светлана, уделите мне десять-пятнадцать минут, поговорим на свежем воздухе.

Она обернулась к подруге:

– Люд, посмотришь? – И первой пошла по проходу.

Аксенов шел рядом, но чуть сзади, оценивая про себя стройную фигуру девушки, короткую стильную прическу; до этого он отметил ее глубоко посаженные серые глаза, слегка вздернутый нос и пухлые губы.

Они встали за стеклянным фотосалоном «Кодак», и Аксенов отчетливо представил себе гражданку Хмелеву, которая «чуть не села!», когда делала второй снимок. Следовательно кинул взгляд на дорогу: так же, как и на фотографии Хмелевой, сейчас у здания автовокзала стояло несколько такси.

Снимки Хмелевой могли оказаться ценными для следствия. По двум из них можно было с точностью до сантиметра определить рост нескольких преступников, опять же обмундирование, оружие. Последний снимок мог вывести на новых свидетелей, водителей такси, ставивших свои машины на площадке возле вокзала и пожелавших остаться в стороне. Узнав себя и свои машины на фотографии, обязаны будут разговориться.

Светлана, видимо, уже наметила для себя линию поведения со следователем и начала первая:

– Я ведь не обязана отвечать на ваши вопросы, так? И гражданский долг меня как-то не интересует.

Аксенов несколько не удивился ее словам.

– Все верно. Я не задам вам больше ни одного вопроса, если вы правдиво ответите мне только на один: почему?

– Что почему? – переспросила Светлана.

Следователь охотно пояснил:

– Я указываю на ваше нежелание отвечать на вопросы. Я не говорю «помочь следствию», потому что вы только что откровенно и честно сказали о гражданском долге. Итак, почему? Что, трудный вопрос? – Аксенов снова окинул девушку долгим взглядом, остановившись на ее выразительных глазах. – Давайте я вам помогу, а вы только подтвердите, прав я или нет.

Светлана, скрестив на груди руки и повернув голову, разглядывала витрину фотосалона. Голос следователя прокуратуры звучал четко, но смысл слов не всегда доходил до нее. Девушку отвлекали собственные мысли.

– Причин что-то скрывать у вас, по-видимому, нет, – говорил между тем Аксенов. – Однако в вас живут предрасудки. Во-первых, те ребята произвели на вас впечатление. Во-вторых, они не сделали ни одного выстрела, не произнесли грубого слова, вели себя, можно сказать, по-джентльменски. Скажите, Света, они оставили о себе впечатление как герои нашего времени? Мне интересно ваше личное мнение. Бритоголовые бандиты перестали быть таковыми, хотя некий статус героев у них еще есть. По крайней мере, они стараются из всех сил поддержать эту марку. О них уже перестали говорить, эти ребята смотрятся обычным делом, как, например, урны для мусора на тротуарах. Они есть, но мы плюем в них. А тут совсем другое дело. Новая волна, свежее веяние, так сказать. Остановимся на этом. Итак, ваше мне-

ние, Света, о том, что я тут вам порассказал.

– Не знаю... – Девушка задумалась. – В чем-то вы правы. Могу сказать одно: если бы кто-то из них наорал матом, ударил, застрелил, я бы помогла вам.

– Ловлю вас на слове: на ваших глазах были избиты три охранника.

– Это была часть *их* работы. Они не сделали ничего лишнего: не пинали, не добивали со злобными криками. Я много раз видела, как дерутся парни, из-за меня тоже дрались.

– Ничего похожего, да?

– Да просто нельзя сравнивать. Во-первых, ситуация совсем другая. Во-вторых, те, кого я знаю, не способны на такое. Я видела спины, руки этих людей – ни дрожи, ни суеты, ни одного неверного или нервного движения.

– Работали, – подсказал Аксенов.

– Именно работали.

– У вас не сложилось впечатления, что это был спецотряд вроде ОМОНа?

– Нет.

– Как же так? – улыбнулся следователь. – А многие служащие универсама утверждают, что их действия были сходны с работой налоговой полиции.

– Это говорили те, кто не видел их лиц.

Аксенов нахмурился.

– Погодите...

Девушка быстро перебила его:

– Нет, я тоже не видела, но представила себе: ничего надменного в их лицах, как у боевиков ОМОНа, быть не должно.

– Да, нафантазировали мы тут с вами... – следователь покачал головой.

– Вы спросили, я ответила. Извините, мне нужно идти.

Светлана кивнула Аксенову и отошла на несколько шагов. Следователь окликнул ее:

– Секунду. Почему вы умолчали о том, что один из боевиков во время «работы» оглянулся на вас?

Девушка медленно повернулась к нему.

– Откуда вы знаете?

– Какие были у него глаза – голубые, карие? – Аксенов неторопливо приближался к ней. – Как у того парня, который вам не представился? Именно поэтому в их лицах не должно было быть надменности?

– Вы... – Девушка побледнела. – Это нечестно! Это... провокация! – Светлана развернулась и почти бегом добралась до дверей универмага.

15

Когда следователь возвратился в прокуратуру, его ждал помощник.

– Короче, Дмитрий Иванович, эти штуки, что были в руках боевиков, называются «клин-2», созданы творческим коллективом конструкторов на «Ижмаше».

– Можно не так сухо? – попросил Аксенов. – Кстати, где ты почерпнул эти сведения?

– В областном стрелково-спортивном клубе. Недалеко от «Радуги», знаете?

– Знаю, знаю, пионером ходил туда стрелять. Это что у тебя? – следователь кивнул на исписанный мелким почерком лист бумаги.

Помощник взял его в руки.

– Зачитываю: «Тактико-технические характеристики пистолета-пулемета «клин-2». Калибр 7,62 миллиметра. Длина со сложенным прикладом 303 миллиметра. Начальная скорость пули без глушителя 310 метров в секунду; с глушителем – 290. Темп стрельбы 900 выстрелов в минуту». Маленький, зараза, но злой.

– Они точно определили, что это тот самый автомат?

– Точнее не бывает – с полувзгляда, Дмитрий Иванович. Там спецы высшего класса. А еще я проехал в «Выстрел», спецмагазин агентства «Аникс».

– Значит, все-таки сомневался?

– Нет, но фотографии тоже показал. Ответ один и тот же: «клин-2». В «Выстреле» мне показали точно такой же жилет, что на боевиках. Я глазам не поверил: смотрю – висит на стенде. Не наш жилетик, импортный, фирмы «Блэк Хок», называется «ТАС-V1». Как самолет или танк, ей-богу. Отличный жилет, сказали мне. Эти ребята, что на снимках, знали, что брали. «Блэк Хок» – узкоспециализирован-

ная фирма, ее продукцией пользуются многие спецподразделения США.

– Ну и...

– Ни одного жилета еще не продали – дорого. Хотя иногда приходят бойцы, облизываются.

– А другие магазины торгуют подобной продукцией?

Голос Прокопца прозвучал с сожалением, даже с некоторой обидой за собственный город:

– Да у нас магазинов-то – «Безопасность» да «Стрелец». У них нет такого обмундирования. А у «Аникса» – и только у них – контракт на поставку с санкт-петербургским магазином «Солдат удачи». Там продают все: армейскую и спецодежду, экипировку, всевозможную военную атрибутику, аксессуары. Я адресок записал и телефон.

– Надеешься на командировку в Питер? – усмехнулся Аксенов.

– Ну город же на Неве все-таки! Моим именем назван. Дмитрий Иванович, я ни разу в Питере не был. – Прокопец заискивающим взглядом смотрел на шефа. – Самолетом, а, Дмитрий Иванович?

Аксенов махнул рукой:

– Ну ладно, черт с тобой. Только не радуйся и плечами не двигай, как невская чайка. Этот вопрос нужно согласовать с прокурором. Что там насчет обмундирования?

Помощник с готовностью ответил:

– Камуфляжа полно в каждом магазине. Берут пачками и

по одному. По фамилиям, естественно, покупателей не записывают. Спросил, конечно: по десять брали? И по двадцать брали, говорят. Сейчас каждый дачник старается в камуфляж залезть – практично и черт его знает, кто это в пятином костюме: то ли отставной спецназовец, то ли бывший афганец. Ну что, я заказываю билет?

– Ты работаешь в прокуратуре, Петя. Этот вопрос нужно согласовать с прокурором.

Глава седьмая

16

Десятилетняя Маринка Евсеева за полтора часа успела съесть три пакета воздушной кукурузы – два сладких, один соленый и запить их бутылкой «Миринды». Все это время она не спускала глаз с дверей универмага. В кармане ее платья лежала записка, которую ей передала сестра. Эту записку девочка в свою очередь должна передать одному парню. «Ну помнишь, я тебе еще говорила: издалека подъезжает, по-тихому. Я чувствую, он снова придет». Маринка никак не могла вспомнить. Светке во время работы сотни раз приходилось разговаривать с парнями. Некоторые откровенно «клеились». Девочка во время школьных каникул часто бывала у сестры на работе, она лучше Светки знала, что и почему на витрине. Но вот вспомнить «одного парня»...

– Маринка, ну вспомни, пожалуйста! Это очень важно. Он такой высокий, блондин, широкоплечий.

– Не помню. А он что-нибудь покупал у нас?

– Покупал?.. Не знаю... Не помню.

Маринка пожала плечами: тогда извини, ничем не могу помочь. Она и так примчалась по Светкиному звонку, как угорелая: «Срочно!» Что-то «жизненно важное!» А вспом-

нить не может.

– Ну, Мариночка, пожалуйста, вспомни. Он скромный такой, сначала все стоял возле секции с компьютерными дисками, смотрел в мою сторону. Я тебе показывала на него.

– Скромный широкоплечий блондин?! Где это ты такую породу видела?!

– Марина! – Светлана топнула ногой в тапочке. – Давай, вспоминай.

– погоди, я у Кольки спрошу.

– У какого Кольки?

– Который дисками торгует.

– Никаких Колек, поняла?! Чтоб никто не узнал, ни одна живая душа! Ну давай, времени нет. Ему лет двадцать пять на вид.

– А-а! – Маринка вдруг вспомнила на свою голову этого «скромного широкоплечего». И вот почти два часа стоит на выходе, питается кукурузой.

Вот так втюрилась сеструха! Вот это страсть! Это я понимаю. И еще в туалет хочется.

Маринка в очередной раз вынула из кармана записку и пробежала ее глазами: «Ко мне не заходи, за мной следят. Попробую прийти сегодня вечером в городской парк культуры. На всякий случай жди меня у центрального входа сегодня и завтра с восьми до десяти вечера. Остальное при встрече. Будь осторожен».

Кто за ней следит? – думала Маринка, складывая посла-

ние. Другие парни, что ли? А что, запросто могут надавать и широкоплечему. У Светки бывший поклонник, как называла его бабушка, штангист. В ширину больше, чем в высоту. Морда, как блин от штанги. После какой-то бодибилдер был. Потом не очень здоровый, потом... Одним словом, если все соберутся...

Ой! Маринка чуть не упустила новый сеструхин объект воздыхания.

Девочка шагнула следом и потянула парня за рукав.

– Привет. – Ну точно он. Про него она говорила Светке: «Глухонемой. Нет неба без земли – глухонемой». И что-то показала ему издали на пальцах.

Парень удивленно посмотрел на девочку, потом, узнав, улыбнулся.

– Здравствуй.

– А мы, оказывается, разговаривать умеем. К Светке идешь?

Он, неопределенно пожав плечами, промолчал.

– Ну вот, это уже что-то знакомое. Короче, не ходи к ней.

– Почему?

– Не знаю, по-моему, тебе хотят накостылять по шее. На вот, читай. А я побежала.

Маринка, не в силах терпеть, помчалась к автовокзалу, сжимая в руке рубль на платный туалет.

Алексей Ремез, внимательно прочитав записку, покинул универмаг.

– Ну что, приходил? Отдала записку?

– Ага. Еле удержала его. Кто, говорит, хочет мне накостылять по шее?!

– По какой шее? Ты что сказала ему?!

– Да так... Говорю, будь осторожен. Строго по записке. – Маринка понизила голос, стараясь разговаривать басом: – Ладно, говорит, приду в парк и буду там ждать Свету. Если завтра не придет, послезавтра буду ждать. С восьми до девяти. – Она перевела дух. – Разговорчивый такой.

– Кто тебя просил, а? – Светлана покосилась на чернявого молодого человека, который уже минут пятнадцать слонялся от отдела к отделу. – Ну ничего доверять нельзя!

– Хочешь, я вместо тебя в парк пойду?

– Перебьешься. Ладно, иди домой. И сделай вот что: заранее приготовь ключи от подвала, чтобы не греметь ими. А то родители начнут задавать вопросы: зачем тебе в подвал?

– А зачем тебе в подвал?

– Чтобы улизнуть из другого подъезда.

17

– Юрий Иванович, это Рябушкин. В универмаг приходил следователь, о чем-то долго беседовал с одной телкой, про-

давшицей со второго этажа. По-моему, она о чем-то знает.

После дозы снотворного Блинов чувствовал себя отвратительного. Заявлять о вторичном нападении он, конечно, не собирался – двойной позор. Он бы и о первом не сообщил, но граната сильно давила между лопаток. Пришлось. Он, как опытный следователь, искал любую самую маленькую зацепку, чтобы выйти на банду грабителей. Однако понимал: у них есть преимущество – они «работают» организовано и нелегально, он же у всех на виду.

Вчера поздно вечером ему ничего не сказали, но предупреждение застыло в каждой паре глаз, обрамленных черными масками: если что, сам понимаешь. Они были больше похожи на банду наемных убийц. Сделай им заказ, они не то что одного замочат, целую группу порешат. Явно профессионалы. И связываться с ними опасно. За ними мог стоять какой-то высокий человек, а могли действовать и самостоятельно. Однако суть в том, что они внушали страх, давно неведомый бригадиру братков. Он сейчас словно под прицелом. По идее с ними нужно бы дружить, что в первую очередь означало пассивное поведение.

Вот это рэкет! – возмущался Блинов. Вот это наехали! Такие бабки взяли!

И снова удручающие мысли. Ну выследит он одного-двух человек, замочат их, останутся еще человек восемь. А если заглушить всю банду? Во-первых, как это сделать? Во-вторых, втихаря не получится, шум будет, следы приведут пря-

мо к нему.

Можно было бы объединиться с другой братвой, сообща решить назойливую проблему, которую следует назвать болезнью. Причем заразной. Однако глобальности ее никто не поймет, она пока не коснулась других, а ему, Юре Блинову, опозоренному дважды, посоветуют лечиться: не поможет медицина, иди к знахарю или езжай в деревню к бабке, заговорит. Не поможет и это, копай потихоньку могилку на заброшенном месте, а мы тут пока поделим твою оперативную область.

Да, нелегалы в этой ситуации были на коне. Хотя бросить это дело тоже не к лицу.

Голова пошла кругом. Но жить хотелось. Как прежде, пусть скучно порой, зато спокойно, чувствуя под задницей хорошие деньги. Всех денег они, конечно, не взяли, ума не хватит все забрать, но унесли с собой спокойствие и уверенность.

Что ждать от них сегодня? А завтра?

В конце концов это один из вариантов. И Блинов приказал Рябушкину:

– С телки глаз не спускать. Держи с собой трех-четырех человек. Понапрасну в драку не лезь, два дня уже деремся. Твое дело проследить. Если она с кем встречается, привезешь его ко мне. Понял?

– Понял, Юрий Иванович.

Блинов положил трубку, чувствуя, что совершает ошибку.

Господи, как беспокойно на душе!

Вот это попал! Ужасно быть «заказанным» — именно это чувство крепко сидело сейчас в бригадире. Его «заказали», а вначале приказали раздеть. Сделай неверный шаг — и точно получишь дозу кураре.

А если этот дурень Рябушкин возьмет кого-нибудь и привезет на дом, а остальные вслед за ним? Что тогда, выставить заложника в окно и кричать «снимите заказ!»? Или нервно выходить на стрелку и вести каляк? Все стрелки кончаются либо мирно, либо перестрелкой. Кто кого перестреляет в этом случае, было ясно как день.

18

Алексей Ремез пришел в парк, когда часы показывали половину восьмого. Он занял вторую от входа скамейку и закурил. Мимо него пробежал молодой человек в спортивных трусах и майке. Его кроссовки быстро прошлепали по огромной луже. Алексей наблюдал за ним с одобрением.

В тот день, три года назад, только двадцать человек из ста выдержали экзамен на зачисление в отряд специального назначения «Черные беркуты». Алексей оказался в их числе. Сильные, опытные офицеры и сержанты из спецназа морской пехоты, претендующие на самый почетный для них берет с символикой «Черных беркутов», сходили с дистанции, а Алексей Ремез, работая на одном инстинкте, полз по во-

нучей грязи, припорошенной снегом, когда звучала резкая команда: «Ползти!», и лежал, задыхаясь от тошнотворного запаха гнили столько, сколько того требовал инструктор.

– Встать!

Колонна в рваной униформе, бронежилетах и бронированных касках выполнила приказ.

– Направо бежать!

И снова непролазная грязь, двести метров по ней – это как десяток километров посуху. Отяжелевшие мокрые ботинки с налипшей на них грязью казались пудовыми.

Сколько еще? Кто-то говорил, что марш-бросок длиной в двадцать пять километров. Хотя бы пять-то прошли?

– Леха!

Сзади упал товарищ по роте Сашка Сапрыкин.

Алексей с хлопаньем оторвал одну ногу. Обернулся на него. Протянул руку.

– Держись, Санек! – И почти выдернул его из зловонной жижи.

Голос инструктора:

– Эй, там, парочка! А ну упали! Встать! Лежать! Встать! Бежать!

– Не могу, Леха... Все, бросай меня.

– Давай, Санек, сейчас речка будет...

Через речку переправлялись на подвесном канате. Инструктор сознательно пустил Алексея первым.

Руки соскользнули с каната в самом конце пути. Боец

грудно упал в полусгнившую прибрежную траву, поранив руки о закрайки льда. Тут же поднялся. Стиснув зубы, он подбадривал товарища глазами: «Давай, Санек... Молодец...»

Сапрыкин не дотянул до берега метров десять. Алексей рванул на помощь. Ледяная вода доходила почти до горла, когда он добрался до приятеля.

– Держись!

Разбитые пальцы Сапрыкина, как клещами, обхватили Алексея за шею. Он тащил друга, уйдя чуть в сторону от каната. Мимо, перебирая ослабевшими руками и почти касаясь головой воды, проходил дистанцию старший лейтенант Равиль Яруллин. Рот широко открыт, дыхание вырывается с хрипом. Требования к офицерам и срочникам на экзамене одинаковы, тут нет лычек и звезд на погонах, есть только конечная цель – получить пропуск в элитное подразделение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.